

Василий Лактионов

ЧЕЛОВЕК ПОТЕРЯННОЙ ИМПЕРИИ

Сусуман

Усть-Нера

Сангар

Якутск

Алдан

Нерюнгри

Болотное
д. Поселье

Новосибирск

Новокузнецк
п. Высокий

ст. Сковордино

Благовещенск

Усть-Каменск
с. Московка

Иркутск

п. Алексеевка
оз. Зайсан

Василий Лактионов

Человек потерянной Империи

«Де'Либри»

2025

УДК 82-3
ББК 84-4

Лактионов В. А.

Человек потерянной Империи / В. А. Лактионов — «Де'Либри»,
2025

ISBN 978-5-4491-2336-7

В предлагаемой читателю книге автор повествует о событиях, жизненных коллизиях минувшего, ставшего уже историческим, советского времени, в котором не так давно мы жили. Ожидания россиян веками были связаны с лучшей долей, мечтами о светлом будущем. Народ, населяющий Российское государство, в огромной массе своей никогда не жил счастливо и свободно – ни при князьях, боярах, царях, ни при коммунистах. Минувший XX век, в котором происходили описываемые события, для России начался трагично – революцией 1917 года, гражданской междоусобицей – и завершился в конце 90-х тоже трагедией – развалом Советского Союза, созданного коммунистами, обещавшими людям благодатное счастье – коммунистический рай. Вместе с судьбой страны в книге прослеживается печальная участь журналиста-коммуниста, судьбоносно связанного пуповиной с малой родиной и великим Отечеством. Своим широкоохватным художественным повествованием автор на жизненных примерах показывает неизбежность крушения и потери Советской империи.

УДК 82-3

ББК 84-4

ISBN 978-5-4491-2336-7

© Лактионов В. А., 2025

© Де'Либри, 2025

Содержание

I. Семейно-философский вердикт	8
II. Украинский вояж	28
III. Порухенные надежды	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Василий Лактионов

Человек потерянной Империи

*...Бурями обуянная,
Земля – всего живущего мать,
Предназначенно-обетованная,
В отдалённых возникла веках.
И оттуда сказание начинать.*

*Якутский героический эпос (олонхо)
«Нюртун Боотур Стремительный».
Песнь первая (перевод Вл. Державина)*

Оглядываясь назад в прошлое мы
всегда хотим увидеть на лучшее в
будущем.

Вас. Лактионов
г. Екатеринбург

Все сноски сделаны автором книги

DELIBRI

© Василий Лактионов, текст, 2024

© Анна Петрова, обложка, 2024

I. Семейно-философский вердикт

Печальные телеграммы приносят в наши дома всегда неожиданно-внезапно, и всегда они застигают человека врасплох, бьют обухом по голове безжалостно больно, наповал. В тяжкие, скорбные минуты остаться наедине с постигшим горем – невыносимое, мучительное испытание. Душевное спасение, утешительная поддержка приходят на выручку в таких случаях только от родных, верных друзей и любимых.

В тот мартовский будничнейший день, по полудни, почтальонша вручила Дмитрию Лобову под роспись, наряду с официальными журналистскими пакетами из Москвы и Якутска, небольшой, сложенный надвое листок-телеграмму, где с предельной словесной краткостью сообщалось: «Умер отец (тчк), телеграфируй своём приезде (тчк) Валя». Опечаленный известием сестры, он тут же набрал телефонный номер своей квартиры.

– Галка, что будем делать, отец помер... Телеграмма от Вали пришла. Лететь, не лететь – не знаю. – Явно расстроенный, Лобов в эти минуты искал у супруги и совета, и помощи.

– Когда похороны? – спросила Галина.

– Об этом не сообщает, всё как-то неопределённо.

– Обычно хоронят на третий день. Если вылетишь сегодня – успеешь, – сказала жена, всегда спокойно-рассудительная. – Что случилось, вроде четыре года назад, когда мы гостили, он крепким был, не болел.

– Может, болел, да не говорил.

С наступлением ранней зимней темноты, уладив наскоро свои неотложные редакционные дела, попрощавшись с детьми и Галиной, он сумел в конце короткого светового якутского дня вылететь из Сангар. А утром следующего дня – из Якутска в Восточный Казахстан, родной Усть-Каменск. Там когда-то прошли отроческие, потом юношеские годы, и теперь его ждали родные, а в гробу лежал отец.

Подумать только, как стремительно быстро, куда-то в прошлое, улетело то невозвратное время, когда он, девятилетний мальчишка, вместе с родителями, старшей сестрой Валею навсегда покинул насиженное отцовское родовое гнездо. В том краю, в далёкой дали, в трёхстах километрах от Усть-Каменска, и сегодня, наверное, стоит в Московке побелённый небольшой саманный дом – с сенцами, переходящими налево, сразу от входа, в хлев; стеснённой прихожей, русской печкой-лежанкой, расположенной почти у порога большой (по детским восприятиям) просторной комнаты. Когда-то по левой её стороне были притулены к стене железная скрипучая кровать, ближе, вплотную к печке, два из обструганных досок топчана. Едва ли не посередине жилища, недалеко от окон, стоял сбитый из толстых досок обеденный стол человек на десять-двенадцать, а по его бокам – две широченные, неподъёмные лавки. Справа от входа, между двумя большеобъёмными сундуками, обрамлёнными тонким, ажурным листовым железом, висел на стене синенький, стародавней работы двустворчатый посудный шкаф. Возле входной двери была прибитая с самодельными крючьями большая, метра в полтора доска-вешалка, а над ней нависала полка для головных уборов.

В этом доме в крепкой, сытой крестьянской семье Афанасия и Марии (в девичестве Руденко) друг за дружкой, с разрывом в два-три года, родились шестеро детей. Последним, через три года вслед за Валею, в октябре сорок первого-военного, из материнского гнезда вылутился Дмитрий. Бывало, вспоминая деревенскую жизнь, он перво-наперво почему-то отмечал опрятную ухоженность внутри родной избушки-мазанки. И всякому, кто приходил к Лобовым позычить соли или спичек, в глаза бросалась не скромная, аскетичная обстановка, а в первую очередь чистенькие, вручную сшитые и вышитые цветочными нитками мулине, слегка подкрашенные синькой оконные и дверные, до полу, занавески. Своей всегдашней чистотой выделя-

лись и выскобленные кухонным ножом стол, скамьи, никогда не знавшие клеёнок, скатертей или защитных накидок.

В красном правом углу, как издревле заведено у православных христиан, висела любовно окаймлённая вышитым рушником икона с лампадой; оттуда благодатно и неусыпно смотрела на домочадцев и на каждого приходящего Святая Богородица. Вся семья Лобовых почитала Богородицу и этот передний угол. Ведь в недавнем прошлом, входя в комнату, христианин изначально обязательно крестился перед образами и кланялся Богу, только после этого здоровался с хозяевами. И благоверная Мария всегда старалась соблюдать молебные дни; особенно в лихолетние военные годы по вечерам она молила Бога уберечь от вражьей пули единоверного Афанасия.

Афанасий Григорьевич слыл в Московке далеко не последним хозяйственником, у него, коснись, всегда находилась горстка курительной махорки, которую он сам рубил-строгал острым ножом-секачом из выращенного на своём огороде листового душистого табака. В хлеве у Лобовых зимой и летом визжали свиньи, мычала корова, кудахтали куры, гоготали гуси. От самого дома, к рыбной реке, уходили длинные ухоженные овощные грядки, зелёной буйной ботвой росла картошка, в междурядье которой под два метра возвышались то там, то сям солёные круги подсолнухов, да лохматые початки кукурузы.

Марию Степановну сельчане знали как чистюлю, искусную, хлебосольную стряпуху-домохозяйку. С утра и до вечерней зорьки колотилась она без устали по бесконечным домашним делам: то варила, то штопала своим сорванцам одежду, то месила опару на хлеб, то кормила животину, то выгоняла ранним утром корову на пастбище. Выкроив час-другой от неотложных хлопот, садилась за американскую, чудом сохранившуюся от бабушки швейную машинку «Зингер», чтобы пошить новое или перешить что-нибудь из поношенной одежки младшим...

«Лобовы небось давно в сборе. Отец всех созвал напоследок», – подумал Дмитрий, предваряя скорбную встречу с родными. Эта встреча, понятное дело, не сулила никому никакой радости, она станет для них лишь встречей-свиданием по печальному поводу. «Они давно там, у изголовья», – подытожил он свои навязчивые похоронные мысли. Николаю, Петру и Валентине не надо, как ему, тащиться к гробу отца за тысячи километров на перекладных. Все они живут семьями в том же Усть-Каменске, только в разных его концах. Не из-за тридевяти земель, из-под Новосибирска, приедет его любимая сестра Тоня. А самый старший, сорокапятилетний брат Иван явится из казахстанского южного Талды-Кургана.

Сейчас беспокоило одно: успеет ли к погребению? По его прикиду выходило: времени на всё про всё в обрез, в притирку. Хорошо, что вчерашние вопросы по внутренним Якутским авиалиниям разрешились для него очень удачно, помогли налаженные годами дружеские связи с авиадиспетчерами: последним рейсом его всё-таки вывезли на Ан-2 из Сангара.

Для северян из отдалённых приполярных районов выбраться на «материк», в центр Союза, в то советское время было непросто. Часто подводила погода, особенно зимой, когда туманные морозы неделями зашкаливали за минус пятьдесят. В такие аномальные дни в аэропортах скапливалось большое количество пассажиров (многим приходилось коротать длинные ночи на подоконниках, цементном полу); маломестные Ан-2 не успевали за короткие зимние дни при хорошей лётной погоде вывезти всех желающих в пункты назначения, люди сутками ждали своего очередного рейса.

Мало кто знает, но в бескрайней Якутии, равной по площади огромной экваториальной Индии, другого пассажирского транспорта в 70-е годы прошлого века, кроме авиации, не было. В некоторые «глухие» районы можно было добраться только самолётом или вертолётном. Правда, по зимнику (замёрзшим ледовым рекам) и по заснеженной тайге в отдалённые селения караванами ходили гружёные «Зилы», чешские «Татры», белорусские «Мазы»; водители доставляли туда продукты, горючее, строительные материалы, как говорили тогда – народно-

хозяйственные грузы. Жителям Сангар с транспортом повезло больше других якутских поселений в силу географического расположения: первопоселенцы-геологи в 1928 году удачно разбили свои палатки на возвышенном правом берегу Лены, где нашли богатое месторождение угля. Сангарчане впоследствии с большим комфортом и беспрепятственно добирались в летние дни до Якутска и обратно на быстроходных «Ракетах». Эти стремительные пассажирские лайнеры на подводных крыльях, преодолевая 350 километров водного пути, каждый день курсировали до столицы автономной республики. Но таких районных центров, как Сангар, на берегах величавой Лены можно было по пальцам перечесть.

И неудивительно было в те времена услышать от старожилов таёжного посёлка, если они с чувством гордости самовосхвалятельно говорили: «Мы живём не у чёрта на куличках – у Христа за пазухой!..»

...И вот самый лучший, пожалуй, самый надёжный пассажирский лайнер советской эпохи Ил-18, ревя четырьмя турбовинтовыми двигателями, несётся по бескрайнему небу в сторону Новосибирска. Пройдёт немногим более трёх часов лётного времени, и винтокрылый приземлится в пригородном аэропорту Толмачево, а оттуда после пересадки на Як-40 уже рукой подать до родного Усть-Каменска.

В свои 32 года Дмитрий на зависть многим был атлетически сложенным, без лишней жиринки в животе, поджарым мужчиной, да к тому же выглядел, по свидетельству многих, значительно моложе своих лет. В его лице мало кто смог бы найти каких-нибудь раздражающих человеческое восприятие линий или черт: открытые настежь глаза, чуть улыбочивые губы, и греческого профиля нос, и густые, вихором чёрные волосы, зачёсанные на загривок, – всё это сочеталось в нём гармонично и доверительно притягивало к нему человека с первых минут знакомства. Его внешняя привлекательность заметно усиливалась во время разговора. И не случайно во многих людных местах, не скрывая вожацки-томного взгляда и сексуально выраженного желания, то и дело соблазнительно поглядывали в его сторону прелестные женщины и молоденькие, но уже зрелые девушки.

Отличало его от других сверстников и то, что в обращении с окружающими, коллегами и малознакомыми людьми он всегда был в меру учтив, корректен, в споре никогда не впадал в крикливую аргументацию, и если что-то говорил утвердительно, получалось у него немногословно, доказательно, порой афористично. Такая поведенческая манера, несмотря на его генетически крестьянские корни, сложилась главным образом под воздействием прочитанных книг и самовоспитания. Как-то в душевном разговоре с женой у него само собой вырвалось: «Меня, Галина, по большому счёту воспитала жизнь...» В самом деле, до времени, когда пришёл на областное телевидение и его зачислили редактором в «Редакцию народного хозяйства», он прежде поработал каменщиком, отслужил три года в Белоруссии в ракетных войсках стратегического назначения, затем слесарил на Усть-Каменском свинцово-цинковом комбинате.

«Надо заглянуть на телестудию... после похорон», – сделал для себя отметину Дмитрий.

Возбуждённые предполётной суматохой пассажиры потихоньку уgomонились, кое-кто, притушив панельные светильники, под мерный гул двигателей «ильюшцинца», набравшего для уверенного полёта по курсу высоту, дремал. Любов сидел возле иллюминатора, через овальное стекло ему хорошо было видно левое, подрагивающее от ударов воздушных потоков крыло могучего лайнера и бешено вращающиеся лопасти двух двигателей. При входе в огромные хлопкоподобные кучевые облака самолёт судорожно вздрагивал всем своим металлическим телом, но это не мешало подрёмывать уставшим пассажирам. Рядом с ним, беспомощно склонив набок голову, спала молодая якутка, пальцы рук у неё были обильно окольцованы замысловатыми серебряными и золотыми узорами, к чему, между прочим, от природы весьма неравнодушно пристрастны все азиатские женщины.

Полчаса тому назад, перед выездом крылатой машины на взлётную полосу, эта дама попросила у Дмитрия свежий номер «Литературной газеты», которую он купил накануне в

аэровокзальном киоске. Нескрываемый интерес к этому профессиональному изданию женщина объяснила своей неожиданно удивившей его осведомлённостью.

– Редко кто читает у нас эту газету, – подметила она. – В наше Заполярье, когда регион накрывает непогода, прессу завозят самолётами с большим опозданием. Однако, насколько я наслышана, её хвалят те, кто читает... Вы литератор?

Попутчица интуитивно едва ли не угадала, кем по профессии является Лобов. «Гадалка, что ли?» – предположил он, и поспешно уточнил:

– Нет, всего лишь журналист в районной газете, заместитель редактора. А газета в самом деле хороша, публицистика – её сильная сторона, пишет бойко. «Литературка» по духу демократичнее других советских изданий, всё-таки писательская газета.

– Мне кажется, настоящая журналистика близка к литературе.

– Согласен. Вы-то кто будете? – заинтересовался Дмитрий.

– Учительница, преподаю русский язык и литературу в эвенской школе за Полярным кругом. Там своих, местных педагогов не хватает...

– А я живу в шахтёрском Сангаре, слышали?

– Как же! Кобяйский район у нас, якутов, всегда на слуху. Карасями славитесь. Рыбный край у вас.

– Рыбный рай! – эмоционально уточнил Дмитрий, и начал увлечённо рассказывать спутнице про высококалорийный уголь, что добывают сангарские шахтёры, потом самоходными баржами «река-море» развозят его по Лене – вплоть до заполярных Тикси и Певека. Поведал ещё о том, как недавно геологи начали бурить разведочные скважины на наличие в Усть-Вилуйской низменности природного газа – прогнозы по запасам хорошие, обнадёживающие; не забыл сказать и про всем известные ниджилинские караси, несколько десятков тысяч мальков которых ихтиологи выловили и отправили специальным авиарейсом-аквариумом космонавтам в подмосковный Звёздный городок, где там, в прудах, экспериментально попробуют их акклиматизировать и размножить.

– Кое о чём я наслышана, и спасибо вам за неизвестные мне подробности, – поблагодарила она Дмитрия. Затем доверительно сказала, что едет в Новосибирск к дочери-студентке, которая на третьем курсе нежданно-негаданно забеременела; и всё это (то ли счастье, то ли печаль) ей предстоит теперь по-матерински определить, разрулить, направить в единственно разумное житейское русло. Только кто знает, где искать и в чём оно заключается это безошибочно-верное решение? Есть ли оно в природе? Что надо сделать, как поступить, чтобы не ошибиться, не наломать дров и, не дай Бог, погубить безвинную девичью душу? Бесконечные и безответные вопросы.

«Одни рождаются, другие женятся, третьи расходятся, а кто-то умирает. В нашем жизненном круговороте многое повторяется, да не всё возвращается. *Se la vi!*..» Убаюканный гулом моторов, Лобов незаметно для себя забылся и мгновенно провалился в сонную бездну...

На похороны, признаться, он летел вовсе не из чувств глубокой любви и скорби к покойнику. На это решился прежде всего руководствуясь чувствами сыновнего, кровного долга: всё-таки отец (в казачьих семьях – тятя), всё-таки породил. Не поехать нельзя было ещё потому, что, ежели этого не сделать, тут же пойдут кривотолки, суды-пересуды, мол, поскряжничал, пожалел на погребение денег, больно важный стал, чурается, вот и «отца своего родного» в последний путь «не спроводил». Да мало ли чего наговорят родственники, потом век не отмоешься, не отбрешешься.

Давно подмечена простая, непреложная житейская истина: сыновние, детские чувства любви, уважение к родителям зарождаются в душе ребёнка по крупинкам сызмальства, с молоком матери. Трепетное, идущее из сердечных глубин почитание и любовь Дмитрий питал с раннего детства и сохранил на всю жизнь только к одному-единственному человеку на земле – маме. А вот отношения между ним и прибывшим с фронта Афанасием Григорьевичем почему-

то не заладились с первых дней. Димке, когда впервые он увидел тятю, исполнилось пять лет, и неудивительно, если слово «тятя» для него по смыслу созвучно было со словом «дядя». Если рассудить, иначе, наверное, не могло быть. В июле сорок первого, через месяц после начала войны, когда 33-летнего Афанасия мобилизовали бить немца, Димка кувырчался в утробе матери. Мария разродилась без мужа только в конце октября.

В годы его взросления перед ним не раз возникало вспышкой-озарением то осеннее утро, когда проснулся от необычно возбуждённого многоголосья старших братьев и сестёр. Он не мог понять, что за переполох случился в доме, отчего спозаранку такое шумное веселье, пока подбежавшая к тёплой печке Валя не сказала ему на ухо загадочно, с придыхом: «Тятяка приехал, с войны...» Она мигом упорхнула к столу, где братья и Тоня разматывали и рассматривали какие-то разноцветные обёртки.

Димке слово «война» тоже было неизвестно. С огромным любопытством, пересиливая нахлынувший страх, он отодвинул в сторону печную занавеску. В глаза ему бросился сидящий в торце стола, под образом Богородицы, статный, черноволосый, в красивой, никогда прежде не виданной военной гимнастёрке, увешанной медалями, чужой мужик. Рядом с ним стояла улыбающаяся Мария и незнакомец приобнимал её правой рукой за талию. Такую красивую, застенчиво-весёлую мать ребёнок никогда не видел.

Всё это поразило, ошеломило его сознание так, что он не сразу осмыслил Валькино сообщение: кто такой «тятя», откуда объявился и зачем в такую рань к ним приехал? Афанасий заметил возле колымавшей занавески детскую головёнку. В сержантских погонах, кожаной портупее и до блеска начищенных «хрумтящих» яловых сапогах (что положено было носить по рангу только офицерскому чину), позвякивая блестящими наградами, подошёл к сыну.

– Ну, здорово, сынок! Как звать-то тебя, конопатый?

Тятя обратился к Димке дружелюбно, с игривой веселинкой в голосе, что предполагало сердечное общение. На Димкины веснушки-конопушки в деревне мало кто обращал внимание (их было-то совсем немного), но пришелец заметил их сразу, а ребёнок в одно мгновение почувствовал себя одновременно ущербным и ущемлённым. Он молча и быстро отполз назад, в дальний угол родной печки. Спрятался.

– Ладно, Афанасий, не пугай его, пускай немного пообвыкнет, потом наговоришься, – ласково сказала повеселевшая и помолодевшая у всех на глазах Мария.

Афанасию взять бы сына на руки, посадить на колени, угостить конфеткой, расспросить о забавах, увлечь незатейливой игрой, наконец, уложить спать под какую-нибудь загадочную фронтовую байку... О-о, тогда Димка имел бы самого лучшего, самого родного на свете человека, тятю, а в его внешне немного решительно-суровом лице верного защитника и друга. Нет, этого не произошло, потому, наверно, что за пять лет фронтовой службы тятя растерял навыки семейной жизни, отвык от общения с детьми, его врождённые чувства отцовства, видать, постепенно деградировали, в итоге солдафонство заполонило душу, взяло во всех её закоулках своё верховенство.

Нелюбовь, неприятие к себе ребёнок почувствовал с первых минут общения. Впоследствии он боялся встретиться даже с отцовским взглядом, а в предчувствии или при явной словесной угрозе, завидев издали идущего с работы тятю, чтобы избежать встречи с ним, он в один прыжок, как дикая кошка, убегал прятаться в сенцах, в хлеве среди животных, а если было лето – в кустах высокой пахучей конопли, что росла подле дома. Зимой, чтобы не путаться между чужих ног, подолгу тихо лежал, не высываясь, на печи, пока его, боязливого, оттуда не вытаскивали силком старшие братья, чтобы поел. Мария видела это и немного погодя изменила распорядок завтраков, обедов и ужинов: сперва накрывала стол для хозяина, кормила его, после усаживала по лавкам неугомонных детей.

Страдая, Мария сочувствовала младшему сыну, не раз упрекала, стыдила Григорьича, пыталась по-всякому сглаживать осточертевшие неприязненные отношения между ними, но

у неё мало что получалось: в общении с Димкой Афанасий вёл себя по-прежнему безразлично-холодно, будто он ему не родной.

– Димка, куда подевал моток дратвы, лежал вот здесь, на дверной притолоке, – придиричиво-обвинительно допытывался тятя, ни с того ни с сего. Он собирался, по-видимому, подшивать прохудившие валенки. Валенки, как и сапоги – да любую обувь, – тятя, надо признать, чинил мастерски: подошвы валенок, например, по окружности обшивал кожаным рантом, красивой ровной строчкой, что придавало обуви внешне особый шик. А сапожным подошвам после его работы сносу не было, несмотря на берёзовые шпильки, которые он умело «клинышком» строгал, затем применял вместо отсутствующих, дефицитных и дорогих меднобронзовых гвоздей. Да их, этих гвоздей, днём с огнём не сыскать было, разве что в райцентре.

Другие деревенские мужики тоже умели ремонтировать обувь, но лучше Афанасия это никто не делал. Другой раз к нему несли рваную сандалию с дальнего конца Московки, и он никогда не отказывал, знал: все деревенские после войны не живут – выживают. Впрочем, уже не голодают и пшеничные колоски по заснеженным полям не собирают... В такие моменты, лёжа на печке, Димка любил сверху наблюдать за отцовской работой, он смотрел на ловкие, быстрые движения рук его, на то, как бесформенный, драный валенок на глазах превращался почти в первозданный, фабричный. При этом наслаждался редкостным запахом смолёной дратвы и лоскутами кожи, пропитанной дёгтем.

– Димка, где Петька?.. Найди его, я ему задам, чертеньке. Опять конюшню не вычистил, комар его забодай! – неожиданно и строго приказывал отец.

Димка мигом, быстрее пули, бежал к невысокой, но крутой придорожной двугорбой горке. Веселясь, детвора скатывалась с неё на укатанную полозьями саней деревенскую улицу, кто на чём, редко кто на самодельных деревянных санках, в основном, как его старший брат, дети летели вниз на обледенелых катяхах – больших замороженных коровьих «лепёшках».

Во всю глотку, захлёбываясь морозным вечерним воздухом, он пискляво, не переставая, кричал в сторону ребячьей горки:

– Петька-а, тятя зовёт, пороть будет!

Пока шли, Петька с тревогой выпытывал:

– Он как, не пьяный?

– Не-е, – однозначно и успокоительно отвечал брат.

Русоволосого Петьку-«альбиноса» хозяин дома почему-то заметно любил больше других. Может, потому, что рос он шустрым, смекалистым, пронырливым пареньком. Но вот в школе учился так себе, с «двойки» на «тройку». Два года отсидел во втором и два года «задержался» в третьем классе. В третьем классе учительница Вера Сергеевна в тот год одновременно учила уму-разуму второгодников Петра, Валентину и догнавшего их Димку, однако сидели они за партами порознь – каждый в своём классном ряду. Между братьев и сестёр «альбинос» тоже заметно выделялся – все были кожей смугло-загорелыми, черноволосые, с карими глазами; он же – кучеряво-белокурый, с сине-голубыми глазами-бегунками. Стало быть, в лобовской родословной были предки и такой редкостной масти.

Отряхнув в сенцах карагачным веником комья налипшей на Петькины штаны и стёганую ватную фуфайку снег, они, распахнув утеплённую войлоком входную дверь, вдвоём ввалились в тёплую избу и там, у порога, замерли.

– Чё, тятя, Вы звали? – как ни в чём не бывало спросил отца разгорячённый беготнёй Петька.

– Я те счас покажу «чё». Конюшню за тебя кто убирать будет?! Я горбачусь, мантулю, а им, видите ли, некогда... А ну, на колени, оболтусы! Комар вас забодай...

Димка замешкался: его-то за что?

– Тебе што, особое приглашение?! – гаркнул на младшего отец, и давай хлестать армейским портупейным ремнём вдоль спины попеременно – то Петьку, то Димку; то Димку, то Петьку. Хорошо, верхнюю одежку впопыхах не сняли, не сильно-то больно было.

За провинность Петьку тятя временами стегал не шибко, больше для острастки, в порядке назидания и профилактики. В тот вечер Димке повезло.

Петька на самом деле рос отчаянным, хитрым, изворотливым сорванцом. Несмотря на гадливые проделки, ребячьи шалости, ему многое прощалось. Бывало, в трёхлетнем возрасте залезет под родительскую кровать и начинает постукивать деревяшкой: «тук-тук», «тук-тук», да всё в такт, чтобы никто не слышал его пердячих звуков – «пук-пук», «пук-пук». Мария тогда сбилась с ног: откуда в хате появилась вонь, обшарила все подозрительные углы-закоулки в поисках причины и, не найдя, призвала на помощь Тоню. Дочка быстро сообразила, где надо искать: приподняла свисавшее донизу кроватное покрывало и указала матери на Петькино отхожее место.

– Ах ты, басурман чёртов, что творишь-то?! – незлобиво накинулась она на синеокого лупоглазого сына больше от безысходности.

Сошла ему с рук и другая памятная всем выходка, когда морозным днём принёс с улицы Димке подарок.

– На, лизни. – Он улыбочиво протянул брату на мохнатой рукавице какую-то загадочно заиндевшую, морозом кристаллизованную штуковину.

– Чё это? – спросил с печи любопытный Димка.

– Чё-ничё – макуха!

При слове «макуха» у младшего брата сами собой потекли слюни: это лакомство (прессованный подсолнечный жмых) среди московкиных детей ценилось чуть ли не на вес золота. Эту кормовую добавку для поросят, телят, подворовывая от начальства, иногда приносили детям родители, работавшие на животноводческой ферме. Димка раза два пробовал этот сосательный продукт, поэтому, предвкушая наслаждение, не задумываясь, доверчиво его лизнул.

Кусок «макухи» мгновенно и намертво прилип к детскому языку – ни отодрать его, ни сплюнуть. Эта «макуха», обжигая, свисала на языке, колючими, ледяными стрелами пронзала глаза, всё тело. Захлёбываясь от нехватки воздуха, с выпученными глазами, залитыми слезами, Димка хрипло, еле слышно орал.

Хорошо, что в сенцах по хозяйству в это время что-то ворошила Мария. Она мигом прибежала на Петькин испуганно-истощный вопль, тоже растерялась было, потом схватила тазик, налила воды и окунула туда Димку несколько раз почти с головой. Прибежала на крик со двора Тоня, и они беспрерывно, друг за дружкой, стали кружками поливать на Димкин язык воду. Наконец «макуха» отлипла и кровавой железкой упала на дно тазика.

– Что же ты наделал, чертеняка окаянный?! Всё тебе неймётся... – укоризненно и беспомощно говорила бестолковому сыну исстрадавшаяся, тихо плачущая Мария...

В повседневном быту в характере, поведении и некоторых привычках Афанасия время от времени наружу вылезали вековечным эхом правила, обычаи самобытного жизненного уклада его предков – донских казаков. Взять хотя бы наказание. В детстве за провинность родители наверняка ставили его в угол на горох, хлестали ремнём по хребтине, наотмашь били деревянной ложкой по лбу во время еды в назидание: не лезь раньше отца к общей миске, чтобы зачерпнуть борща первым, такое никому не дозволено. Суровое, полуспартанское воспитание в многодетной семье в хуторах, станицах у казаков прижилось с незапамятных времён и негласно считалось чуть ли не нравственно-правовой нормой.

Наравне с подобными обычаями-правилами родители прививали детям-казачатам беспрекословное повиновение и уважение к старшим. Дочерей и сыновей исподволь приучали присматривать за младшими детьми, убирать на подворье, помогать матери поливать грядки или полоть сорную траву в огороде. Кроме малолетнего Димки, в этом доме никто не бездель-

ничал. Ещё примечательно: дети никогда не видели тятю в стельку пьяным, казаки такого себе не позволяли, как не дозволялось в казачьей семье родителям ругаться, выяснять при отпрысках свои спорные отношения.

Авторитет отца у Лобовых был почитаем, непререкаемый, и в семье к тятю, так положено, всегда обращались только на «Вы»: «Ну, тятя, Вы гутарить могёте...» Конечно, его строгости все побаивались, но вместе с этим всегда любовались тятиной опрятностью, молодецкой выправкой, гордились его усердным трудолюбием. А ещё Димка подметил: отец никогда из дома не выходил на работу или на люди небритым, в не почищенных гуталином до блеска сапогах, помятых брюках.

Редко, но бывало, когда хозяин дома приходил после работы «выпимши». В таких случаях, уже с порога, снимая обувь, вежливо просил жену:

– Налей-ка, Степановна, шей погущей, оголодал я...

Так ласкательно, на «Вы», обращался он к супруге при случае, подшофе. Она знала эти льстиво-извинительные уловки мужа, привыкла к ним. Как комплименты, они немного, но грели её сердце, истосковавшееся после долгой разлуки по мужниной ласке. Мария привычно наливала в глубокую керамическую миску три черпака любимых им щавелевых шей с яйцом, клала туда сахарную с хрящиком говяжьёю косточку, сверху – ложку «Зорькиной» густой сметаны. Он молча ел, прикусывая пушистый ноздреватый хлеб, который Степановна испекла в печи недавно, ближе к вечеру. Насытившись, тятя, покряхтывая, залезал с приступка на просторную лежанку хорошо протопленной за день печки. Через минуту-другую для детей начиналось испытательное учебное действо...

В послевоенном сорок седьмом Валентина училась во втором классе, а Димка объявился в школе после Нового года, когда правление колхоза «Путь к коммунизму» всё-таки выделило ему бесплатные валенки с письменной оговоркой в протоколе, «как малообеспеченному из многодетной семьи». Перед председателем колхоза Григорием Сердечкиным об этом усердно хлопотала учительница начальных классов Вера Сергеевна. У Веры Сергеевны поочередно уже получили начальное образование старшие Лобовы – Иван, Николай, Тоня.

– Ребёнок полгода не ходит в школу. Задания передаю ему на дом через Петю, он у меня во втором классе.

– Да знаю я эту семью, хватит меня агитировать! – в сердцах говорил и словно от назойливой мухи отмахивался хромой на левую ногу председатель-фронтвик. – Поскребём по сусекам, посмотрим.

Слава Богу, наскребли. Таких босоногих, как Димка, голодранцев в тот год по колхозу набралось семеро подростков.

– Валька, чего сегодня получила по арифметике... «тройку»? Счас проверю. Скажи, сколько будет «семь» прибавить «восемь»?

Валя стояла с Димкой на вытяжку возле печки, напрягаясь мысленно, сопела и шмыгала носом, и никак не могла сложить эти неслагаемые проклятые цифры. У неё выходило то ли «шестнадцать», то ли «восемнадцать». В экзаменационные тягучие минуты неподатливые цифры складывал и Димка, помогая своим мозгам вспотевшими от волнения пальцами: тятя, так всегда бывало, обязательно спросит и его. У него вышло «пятнадцать», и он тут же, толкая локтем сестру, спасительно прошептал ей: «пятнадцать». Тятя всё слышал и, не задумавшись, скомандовал:

– Валька, на колени! Димка, сколько будет девять отнять семь?

От дальнейших арифметических попыток спасла Мария. Она на несколько минут отлучалась в хлев, носила корове и подросшим поросётам вечернее пойло.

– Да хватит тебе изгаляться!.. – укоризненно заступилась она за детей. – На дворе вон, гляди, ночь уже.

– Ладно, ступайте. Комар вас забодай... – нехотя соглашался отец и, разморённый щедрым теплом печки-душегрейки, вскоре крепко засыпал.

Мария Степановна была малограмотной, набожной женщиной. Когда требовалась её собственноручная подпись в колхозных бумагах, она выводила в указанном месте какую-то, только ведомую ей, закорючку, а если что-то читала, то получалось у неё по-детски нараспев и по слогам. Помочь детям чем-то в учёбе она не могла, из-за чего порой себя сильно корила.

В доме у них никогда не было книг, газет, кроме годами зачитанной, старинной Библии, бережно хранимой Марией после смерти своей матери. И радио не было, потому что забытое Богом и советской властью село до войны радиофицировать не сумели из-за вечной нехватки денег. Все новости люди узнавали на почте, где была рация с двусторонней связью с райцентром, а чаще в клубе от председателя. Он обычно раза два в месяц по колхозным делам выезжал к своему начальству в райцентр – Самарку, что отстояла в двадцати километрах от Московки. Туда в свободное от работы время, с разрешения председателя, колхозники по своим делам обычно ходили пешком – кто в больницу, а кто-то на рынок.

Афанасий, наоборот, значился в Московке грамотным, был на хорошем счету в правлении, ему доверяли руководить животноводческой фермой, полеводческими бригадами. Везде проявлял он трудолюбие, природную смекалку. Однозначно впрок пошли ему три класса церковно-приходской школы (ЦПШ), которую окончил в дореволюционные годы где-то на далёком донском хуторе.

... В полудрёме, в полусонном размышлении Дмитрий безуспешно пытался найти причины отцовского властного эгоизма, прежде всего к себе. И происходило это вопреки его воли: ему совсем не хотелось вспоминать негатив прошлого, он гнал от себя, как мог, набегавшие волнами детские жгучие обиды. Но они, вороша прошлое, вновь навязчиво и неотступно настигали его.

Сквозь сонную пелену ему слышны были размытые гулом моторов разговоры оживившихся перед приземлением пассажиров, прощальные слова командира экипажа о завершении полёта. Под конец посадки самолёта, вжимаясь в кресло, он ощутил всем своим телом напор земного притяжения, – огромная крылатая машина покорно неслась по земной казахстанской тверди в сторону Усть-Каменского аэровокзала.

* * *

Жилой массив микрорайона с романтическим названием «Новая Гавань», где на улице Транспортной когда-то жил с родителями Лобов, находился недалеко от центра города и аэропорта, в каких-то пяти-шести километрах. Никто толком из местных жителей не знал, когда, откуда и почему появилось здесь такое завлекательное топонимическое название, больше подходящее морскому побережью. Смело можно предположить, что возникло оно в противовес действующей с давних пор причальной пристани на судоходном Иртыше. В этом глубоководном изгибе реки Ульбы, на её правобережье, образовалась удобная бухточка, куда издавна прибывали рыбацкие лодки, плоскодонные баркасы, идущие с её верховьев, чтобы после коварных подводных перекатов люди могли здесь отдохнуть, разгрузиться и, если надо, починиться. В летние навигационные дни причаливали по большой воде к берегам гостеприимной гавани со своими плотами и отчаянные плотогонцы, сплавливающие сосновый строевой «кругляк» для разрастающегося города. Природой созданная гавань оказалась для местных промышленников и купцов выгодным сподручным и перевалочным транспортным хабом. Постепенно, накрепко сомкнувшись с городом, это место утратило своё изначальное предназначение, но в людской и географической памяти её поэтический образ остался навсегда.

Зафрахтовав такси, он мчался в родную гавань, надеясь захватить хотя бы момент выноса из квартиры отцовского тела. Когда подъехали, во дворе одноэтажного финского дома, кры-

того дорогой тёмно-коричневой фигурной черепицей, бегала мелкая детвора. В самом же доме, брякая тарелками, хозяйничали соседки, накрывали поминальные столы. И он понял: опоздал. Дети-племянники, признав дядьку, наперебой рассказали, что похоронная процессия, его не дождавшись, совсем недавно двинулась на автобусах в сторону северного городского кладбища.

– Гони! – вскрикнул таксисту Лобов, и они помчались что есть мочи.

Несмотря на старания водителя, выжимавшего из «Волги» все её таксомоторные лошадиные силы, наверстать упущенное время не удалось: петляя между рядами заснеженных могил, они подкатили к финалу, когда кладбищенские рабочие-могильщики лопатами прихлопывали на глинистом холмике отца последние комья смёрзшейся земли.

Уважительно поприветствовав рукопожатием всех собравшихся родственников, Дмитрий положил искусственные цветы на холодную могилу, перекрестил себя, поцеловал деревянный крест, на котором в рамочном обрамлении была начертана табличка:

«Лобов Афанасий Григорьевич 1908-1974» и сказал, как бы итожа прошлое:

– Вот и всё, тятя. Прощай и прости... Не успел.

Он намеренно не сказал подчёркнуто-нейтрально «отец» или «батя», обратился к покойнику, как бывало в детстве, по-сыновьи уважительно и нежно – «тятя». И тут со всех сторон посыпались одобрительные слова:

– Молодец, из такой дали приехал...

– Мы ждали тебя, гроб не выносили... до последнего...

– Добре, хоть повидаемся...

– Да если б не погодная заминка в Новосибирске, успел бы, – оправдываясь, объяснял Дмитрий.

Улучив минутку, Николай спросил брата:

– К мамке пойдёшь?

– Конечно, а как же! – откликнулся с обидой в голосе Димка. – Вот и цветы прикупил. Живых у вас нигде не продают, даже таксист не в курсе... Только я не помню, где она лежит. Вряд ли найду.

– Пойдём, провожу.

И они пошли в задумчивом молчании между сугробных могил, то ли в сторону конца, то ли в сторону начала кладбища.

– И я с вами, ребятки, – увязалась за племянниками отцова младшая сестра, тётя Дуся, худенькая, говорливая, никогда не унывающая хохотушка.

Николай жил в Московке до 16 лет. В последние военные годы, пока тятка не вернулся, работал трактористом, подменяя старших, безотказно брался за любую работу, и ему в правлении колхоза не знали цены. Дома Мария Степановна тоже не могла нарадоваться своим подросшим помощником.

В марте 53-го, когда многонациональный советский народ стоял с непокрытыми понурыми головами возле уличных репродукторов, вещавших всему белому свету траурным голосом о смерти Иосифа Сталина – великого диктатора, «отца всех времён и народов», – на панцирной железной кровати в пустой квартире тихо лежала, умирая, сорокасемилетняя Мария. В тот день двенадцатилетний Димка забежал после школы в комнату матери и с ходу выложил ей печальную новость, охватившую поголовно всех советских людей:

– Мама, у столба, где радио, много людей, все плачут. Училка сказала, Сталин помер... Мам, а ты скоро болеть не будешь?

– Скоро, сынок, скоро. Ты-то как жить будешь... – Она вяло обняла усохшей рукой наклонённую голову сына и с замиранием, из последних сил, хрипло прошептала: – Береги себя. Пожалеть тебя будет некому. Вот по Сталину плачут, а по мне кто...

Больше Мария не сказала ни слова. Она, сомкнув намертво сморщенные губы, бессмысленно смотрела, не моргая, куда-то в бездонную пустоту, мимо Димки.

В эти мучительно-тягостные минуты Димка не понял смысла заветных материнских слов, сразу не придал им внимательного осмысления. Но на всю жизнь запомнил, как из морщинистых уголков её добрых милых глаз медленно вытекли две последние, блеснувшие на солнечном свету, серебристые слезинки.

– Мама, не плачь! Мама-а!.. – беспомощно и безответно слёзно просил растерянный Димка. Его душу со всех сторон мгновенно охватил нахлынувший смертельный страх...

Вечером, когда пришёл с работы Афанасий, его Степановна уже никого не узнавала. Временами, силясь что-то сказать, она паралично мычала, в предсмертной агонии, задыхаясь от внутреннего телесного жара, металась на кровати. Вызвали «скорую», и её, безнадежную, увезли в больницу. Через неделю сильно опухшая, измученная раком, светлая, благоверная, святая Мария навсегда отдала Богу свою чистую душу.

В тот печально-памятный год Николай находился в братской Польше. Туда его, каменщика, командировали вместе с другими высококвалифицированными специалистами строить по указанию Кремля огромный, в стиле московских сталинских высоток, Дворец польско-советской дружбы. Телеграмма о кончине матери до него почему-то запоздала. И если бы она пришла даже вовремя, он всё равно не успевал на похороны, потому что проезд, согласно контракту, оплачивался только по железнодорожному тарифу.

– Вот она, милая, лежит себе тут, никого не тревожит, – шутливым упрёком защebetала тётя Дуся, подойдя к могиле снохи. – Это ж сколько ей, родненькой, сегодня было бы? – спросила она саму себя.

– Мать, как они поженились, старше отца на два года была, – привычно слегка картавя на букве «р», хрипловато-сдавленным голосом подсказал Николай.

– Вот я и говорю, не жила, больше маялась. Жить не жила, Господи... Особо в войну нахлебалась, – сочувственно говорила тётка. – Одной вас, шестерых, накормить и то сколько всего надо.

– Да уж, в нашем Союзе и сейчас люди не живут, а выживают: от аванса до полочки. Не зря же только у нас говорят о покойнике, когда закопают: «Всё, отмучился...» – с грустной многозначительностью сказал Николай.

– Пускай живём мы с вами худо, но выживаем хорошо. А что? Живём, конечно, не богато, но хлеб жуём и водку пьём, – скаламбурил Димка, и вышло это явно не к месту. Видать, он хотел сменить тему разговора, возможно подразумевая что-то своё, затаённое.

Горевать тут долго не пришлось: они увидели сквозь ряд поникших голыми ветвями берёз вереницей потянувшихся к поджидавшим автобусам родственников, и поспешили к ним. Обратной дорогой все ехали задумчивыми, молчаливо-опустошёнными, с каким-то внутренним умиротворением, когда всё вокруг становится ясным и понятным и ничто больше вроде бы не беспокоит, не тревожит твою душу.

После переезда из Московки на Новую Гавань Лобовы надолго поселились в левой половине этого дома. В правой, с отдельным входом, жила семья Мальцевых. Этих двухквартирных черепичных домов всего было почему-то два, и стояли они вроде как на выставке – в самом начале длинной Транспортной улицы. Построили их, говорили люди, пленные финны из финских же сборных строительных материалов, завезённых сюда после той, уже забытой зимней войны по репарации.

Дом финны сделали добротным – тёплым, из клеённого бруса, с двумя застеклёнными верандами, красивым. И кухня вышла просторной, при случае там можно было свободно разложить раскладушку. Из неё, от печки, в большую комнату-залу «выходила» дымоходная грубка со встроенной духовкой; зимой возле неё всегда можно было погреться-согреться. Здесь до последнего времени жили родители, Валентина и Димка. Здесь сыграли свадьбы: сначала

женили старшего Ивана, затем замуж выдали Тоню, вслед за нею обзавелись семьями Николай и Петро. Отсюда в последний путь проводили отпетую батюшкой веропослушницу Марию, и вот, спустя девятнадцать лет, из дверей этого дома отправился за ней на тот свет тятя.

Когда Дмитрий вступил в комнату, его охватило щемящее чувство возвращения в прошлое, будто никогда из этих дверей не выходил. Вдоль капитальной стены на прежнем месте стояла знакомая двухместная панцирная кровать с хромированными спинками, в простенке между окнами – стеллажный шкаф, уставленный посудой, кухонной утварью. В левом углу, обжитом временем месте, красовалось большое зеркальное трюмо ручной, довольно искусной столярной работы. За дымовой трубкой была углублённая широкая ниша, в которой под плотной шторкой-занавеской скрывался бездверный самодельный шкаф из строганых досок, там вешали верхнюю зимнюю и летнюю одежду.

И высоко взбитые перьевые подушки на кровати, и голубенькие узорчатые занавески на окнах, и разноцветные самотканые тряпичные ковровые дорожки на деревянном полу, и бог весть когда приобретённые родителями четыре гнутых, с полукруглыми спинками венских стула, и сталинских времён радиоприёмник «Рекорд» на тёмно-коричневом стареньком комод, и даже ввёрнутая в чёрный патрон 60-ваттная грушевидная лампочка, свисавшая в центре потолка, – всё это напоминало ему прежде всего о матери, о её незримом присутствии. Вот сейчас она выйдет из кухни, маленькая, чуть сгорбленная, с его любимыми картофельными пирожками, щедро нашпигованными обжаренным луком, свиными шкварками, и тихо скажет:

– Отведайте, дети...

Усопший собрал напоследок всех Лобовых. За поминальным столом, на импровизированных лавках из досок и табуреток, сидели уже возбуждённые первой выпитой за упокой рюмкой водки братья и сёстры, тётки и дядьки, зятя и снохи, шурины, свояки, свояченицы, племянники, внуки умершего. Были здесь сосед через стенку-капиталку дядя Валера, его супруга Лидия Ивановна и неизвестные Дмитрию люди – вроде бы дальние родственники, не то бывшие сослуживцы отца, когда он работал в городской милиции. Как повелось исстари, наряду с лапшой, салатом, вторым блюдом на сдвинутых столах были обязательные для поминального ритуала кутья и блины. После третьей коллективно опорожнённой рюмки, поминально-печальных речей женщины-помощницы стали разносить в гранёных стаканах душистый малиновый кисель. Эта процедура негласно подавала всем сигнал о завершении трапезы.

Кое-кто, перекрестясь переднему иконному углу, направлялся к выходу, вслед за ними небольшими группами потянулись остальные. В комнате остались самые близкие друг другу родственники.

Захмелевший муж Валентины, балагурный хохол по фамилии Прибыляко, неожиданно для всех подметил, глядя на задумчиво сидевшего Дмитрия:

– Шо-то Димоха молчит-думает... Расскажи-ка нам, як ты там з якутами уживаєшься? Длинные рубли лопатую гребёшь?

– Лопатой, Миша, не получается, а так живём, не бедствуем: местный северный 70-процентный коэффициент и надбавки к зарплате регулярно получаем. Шахтёры, газоразведчики, строители – те зарабатывают солидно. У меня же оклад служащего, – обстоятельно отвечал Дмитрий. – Кстати, —вспомнил он, – где рыба, что привёз вам на угощенье, где-то на веранде я второпях бросил.

Тоня, Валя вместе с тётками всполошились и гурьбой пошли искать якутский деликатес. Когда принесли, развернули холщовый свёрток, от удивления все заохали, заахали, завсплёмкивали руками. Тоня приговаривала:

– Такой рыбки сроду не видала.

– Ты не видала, а я не едала, – находчиво срифмовала тётя Дуся.

Удивляться было чему: на столе лежали два килограммовых пласта золотисто-жёлтого осетра, такого же веса шмат мясистого тайменя и два увесистых, в полтора килограмма, омуля.

– Ни хрена себе, вот это гостинец!.. – по-своему восхитился подскочивший к краю стола Михаил.

Старшие братья перестали сидеть равнодушными, быстренько отстранили женщин и взяли инициативу в свои руки, – стали энергично пластать широкими ножами рыбные тушки на удобно съедобные куски. По комнате разнёсся несравнимый ни с чем запах малосольной рыбы.

Внешним обликом, осанкой, кряжистым телосложением, многими чертами лица похожий на отца (смолисто-чернявый, скулы выдвинуты немного вперёд, что внешне придавало ему решительную внутреннюю уверенность), немногословный Иван тихо предложил:

– Давайте помянем нашу маму, царствие ей небесное. Теперь они там вдвоём, может, встретятся...

– Давайте, – пригубив рюмку и крестясь, вздохнула Тоня. – Для нас мамка всю себя отдала, вечная ей добрая память. – Она снова перекрестилась, обернувшись к иконе, возле которой в полумрачном углу слабым желтоватым светом мерцательно пламенела лампадка.

Тётя Груня, видно было, то и дело порывалась с другой стороны стола что-то спросить у племянника, но ей всё время мешали говорливые родственники. Тётка во многом была под стать своему брату: когда надо, властная, упрямая в своих намерениях и, как младшая сестра, боевитая, остра на язык. Любила, как все Лобовы, хорошее застолье, казачьи залихватские песни и в своём роду выделялась образованностью. В войну, и после неё работала не где-нибудь, а в районном отделе культуры киномехаником-культурпросветработником, – должность по тем временам завидная. С передвижной киноустановкой, компактным электродвижком, она объезжала окрестные глухие деревни Самарского района, показывала людям кино, проводила новостные лекции-беседы о жизни в Союзе и за рубежом. В пенсионные нынешние годы Агриппина не растеряла былую бодрость, стройную привлекательность; даже если присмотреться, на её лице не было видно старческих морщин.

– Дима, как зовётся рыба, что поменьше? У нас, в Бухтарминском водохранилище, такая не водится. И скажи, а то галдят тут: Галя твоя второго родила? – Тётка, опрокинув внутрь очередную рюмочную порцию водки, всё-таки докричалась до племянника.

– Родила девочку, назвали Олей. Когда уезжал, она как-то особо подчеркнула: «Дедушка ушёл из жизни в день рождения Оли. Он как бы подарил ей дальнейшую жизнь»... А рыба эта – омуль наш, речной. Мы живём на правом берегу Лены. Она, кстати, по своему водному величию мало в чём уступает Волге.

– Байкальский омуль в два раза, а то и больше мельче этого, – встрял в разговор Петро.

– Там другой биологический вид, другая кормовая база, поэтому он значительно меньше ленского, – словно специалист-ихтиолог, продолжал рыбный ликбез¹ младший Лобов. – В Лене наши рыбаки ловят 50-килограммовых тайменей, да и 40-килограммовые осетры не редкость.

– Да-а, богатый у вас край, – не без зависти подтвердил сказанное Николай. – И золото, алмазы, уголь...

– Ломоносов верно утверждал в своё время: могущество России будет прирастать Сибирью. Якутия и есть самая большая часть Восточной Сибири, в её недрах – вся таблица Менделеева. Залежи подземелья и впрямь безмерные. Вот и приезжайте к нам осваивать вечномёрзлые таёжные просторы, – призвал притихших родичей Дмитрий. И прозвучало это по инерции, немного пафосно, неубедительно.

– Уж сильно холодно у вас. Ты – мужик, привык, а каково Галине, детям? – спросил Иван.

– Галка вроде свыклась, как-никак четыре года минуло после нашей женитьбы. Для неё минус пятьдесят – теперь привычное явление, а когда за минус пятьдесят, никто у нас не рабо-

---

¹ Ликбез – сокращённое понятие от «ликвидация безграмотности», возникшее в Советской России в 1919 году, когда началось массовое обучение безграмотных взрослых чтению и письму.

тает, самолёты не летают, дети не учатся. А что вы хотите: живём в районе Крайнего Севера, возле Полярного круга. Постойте, господа-товарищи, с чего это на меня вы наседаете, пытаете? – возбудился северянин и давай расспрашивать братьев, как жили они в войну без отца, чем питались в голодные годы.

– Мне рассказывали, сейчас не припомню кто, по ночам Иван с Николаем овец воровали. Было такое? – Теперь Димка начал расспрашивать.

– Да всяко бывало, не без того, иначе не выжить было, – уклончиво, с неохотой отвечал старший брат. – У Бурнашовых вон, что на задах жили, чуть было вся семья с голоду не померла. Нас спасало, что мама летом работала на дому, как многодетная, лапшу готовила из привезённой завхозом муки. С весны до самых холодов строгала она, ведрами увозили от нас в поле. Деревенские нахваливали, прозвали «лобовская лапша», кормили на полевых станах сенокосчиков, пахарей, комбайнёров, да всех, кто там трудился... От этого каравая, не без того, нам тоже кое-что перепало.

Дмитрий сразу и явственно вспомнил наструганную, возвышавшуюся горкой на длинном семейном столе, желтоватую, слегка подсушенную на рушниках лапшу, щепотку которой с позволения матери он брал, толкал в рот и, слегка разжёвывая, с наслаждением проглатывал, будто неведомое заморское лакомство. Не забыть ему и тот ни на что не похожий кислотовато-сладкий хлебный запах заквашенной опары в двух кадках, обычно стоявших на широкой лавке у солнечного окна. Случалось, стряпуха забудется, замотается в домашних хлопотах, опара от оконного солнцепёка шапкой подыметесь раньше расчётного времени,

бесшумно перевалится через край кадушки, поползёт медленно вниз и по лавке. Такие аварийные моменты малой любил больше всего на свете. Он старательно собирал ладошкой липкое, воздушно-пузырчатое тесто и, блаженствуя, отправлял его в своё нутро. Только довольный насытившись, Димка тревожным голосом звал с улицы Марию:

– Мама! Опара опять убежала!..

– Овечками мы промышляли по осени. Когда становилось попрохладнее мимо Московки из Монголии в Семипалатинск на мясокомбинат тысячами перегоняли отары овец. Там из баранины делали колбасы, консервы для фронтовиков. На ночь пастухи-погонщики разбивали стойбище недалеко от нашей речки Кулинжинки, для отпугивания волков и от воров с вечера разжигали большие костры. А мы, крадучись среди зарослей тальника, в темноте хватили крайнего барана за ноги и спящего волоком тащили в кусты... – Картавя, Николай рассказывал загадочно-увлечённо и подробно.

Если из всех черноволосых Лобовых Петро выделялся своей волнистой белокуристостью, то Николая отличала не только его природная деликатная картавость. В глаза бросалось сильное внешнее сходство с местными казаками. Они частенько подходили к нему, повзрослевшему, на рынке, в магазине и на своём тюркском о чём-то спрашивали. Улыбаясь, он говорил в таких случаях извинительно на русско-казахском: «Мен ни бельмеса»². И кто знает, как поступили с ним и братом казахи-пастухи, если б поймали на месте кражи.

– Дальше-то, что было? – выводывал нетерпеливый Димка. – Прямо-таки скрытая ночная операция.

– В кустах барану мы делали секир башка, навьючивали тушу на хребтину – и домой, в коровник. Там при керосинке-лампе освеживали и разделявали тушу на большие куски.

– Погодь, Николка, столько мяса куды девали? – спросил, хитро шурясь Михаил.

– И правда, – поддакнула Валя. – Холодильников тогда и в помине не было.

– Мясо обсыпали солью, заворачивали в холстину – и на наш огород. Ближе к речке, в кустах, выкапывали заранее несколько ям: кишки, потроха, шкуру зарывали отдельно, укры-

---

² «Мен ни бельмеса» (каз.) – Я не понимаю.

вали, как и мясо, слоем сена, оно перебивает запах крови. Засыпали сверху землёй, всё вокруг маскировали.

– Время было военное, под трибунал могли загреметь, если что, – подал голос кто-то из притихших родственников.

– Ещё как! – оживился Иван. – Как-то, ближе к полудню, прискакали к нам во двор верховые – председатель и объездчик – и давай вынюхивать у мамки, мол, где твои старшие сынки, где вчера ночью околачивались. Да вон, говорит, едят в доме, а вечером, как всегда, до полуночи у Сопалёвых на посиделках были, танцульки там у них.

Мария знала о проделках сыновей, – всю ночь глаз не сомкнула, поэтому на нападки непрощенных гостей отвечала насколько можно спокойно, даже обидчиво.

– С чего это вы хорохоритесь? – спросила она намеренно дерзко.

– Знаю я ихние посиделки, – пропуская мимо ушей Мариин вопрос, съехидничал вечно чем-нибудь недовольный объездчик Яшкин. Он явно намекал на что-то плохое. Не зря все селяне обходили его стороной, зная как безжалостного ябедника и стукача. – Они там чёрти што вытворяют...

– И впрямь, Степановна, приглядывай за хлопцами, больно ушлые они у тебя.

Председатель Сердечкин богом данную фамилию подтверждал сполна. При всей деловой ворчливости и напускной строгости он на самом деле был отзывчивым, заботливым, не жадным руководителем. Особое сострадание бывший фронтовик (два года ходил в пехоте под пулями, одна из них угодила в сухожилие левой ноги) проявлял к многодетным семьям. Это объяснялось, между прочим, просто: в его доме тоже было весело – семеро по лавкам. И колхозники нередко пользовались его слабиной: Сергеич поворчит, поматюкается беззлобно от собственного бессилия, однако рано или поздно найдёт среди скудных колхозных возможностей единственно верное решение житейских проблем. Поможет.

– Да што ж ты, Сергеич, напраслину на детей возводишь? У нас вон коровёнка есть, курей худо-бедно держим. Пока перебиваемся... Зря ты так.

– Зря иль не зря, не тебе решать, – огрызнулся хромоногий председатель. – Забыла, итить твою за ногу, в прошлом году, зимой, Иван твой с конюшни полмешка ячменя спёр? По малолетству ему простили... Нонче, поговаривают в военкомате, двадцать седьмой год призовут на японскую. – Последние слова председатель обронил как бы невзначай, с грустью.

– Господи, какую японскую?! – догадливо вскрикнула Мария. – Ему всего-то восемнадцать...

Этот надрывно-кричащий материнский вопрос в начале августа 1945 года безответно завис у крыльца лобовского дома. В первую же неделю после начала Маньчжурской военной операции гонец из райвоенкомата вручил старшему сыну призывную повестку. В то время, когда паровозный поезд с Иваном-новобранцем мчался на восточные рубежи Отечества, с западного, сталинградского направления через пять разлучных лет домой в Московку возвращался запропастившийся отец. Удивительно, но одинаково благосклонно сложилась для них военная судьба. На западе Афанасия ангел-хранитель уберёт от немецкой пули; на востоке тот же ангел оградил сына Ивана от японской. После молниеносного разгрома и капитуляции японцев через четыре года он невредимым вернулся домой.

Однако треклятая похоронка не обошла Лобовых, она пришла в семью Андрея Григорьевича, старшего брата Афанасия: пуля-дура сразила его наповал в ноябре сорок третьего при освобождении Киева.

– И всё-таки, почему подозрение пало на вас? – продолжал точно допытываться Дмитрий.

– С конторского взгорка они увидели стаю коршунов, ранним утром вившихся в небе кругами в районе нашего дома. Это первый признак, что в этом месте хищникам есть чем поживиться. У них, знаешь, какой нюх?! Стоит одному учуять, тут же собирается летучая свора, –

по-крестьянски обстоятельно, не спеша, рассказывал Иван. – К тому же, перегонщики при обходе набрали в кустах на кровавые следы и накатали жалобу, мол, ваши колхозники воруют наших баранов. Мы-то не одни такие были. Наши соседи тоже воровали. У Оберновых, например, восемь малолетних ртов было. Стёпка ихний, одногодок мой, тот по ночам курей и яйца с птичника всё время таскал.

– И чем закончилась ночная вылазка?

– Ничем. Со временем всё затихло. Деревня-то большая, больше ста дворов тогда было – пойдёшь найди. Чёрта с два получишь...

Застенчивой, улыбочивой черноглазой сестрёнке Тоне, родившейся третьей после Ивана, в октябре сорок первого исполнилось десять лет. Ей, бедняжке, в военные роковые тоже пришлось несладко: помогая матери по дому, не разгибая спины, она выполняла всякую работу – мыла посуду, поливала речной водой грядки, выгоняла на выпас корову Зорьку, выносила вёдра с помоями. Осенью вместе с ребятами-одногодками ходила на речку собирать дикорастущую вдоль крутых берегов ягоду, приносила в дом полные вёдра малины, смородины, ежевики, черёмухи. Зимы здесь длинные, прожорливые.

В октябре, когда на свет объявился Димка, забот у неё прибавилось на порядок. Да вдовбавок у Марии вдруг перестало вырабатываться грудное молоко, и новорождённого приходилось кормить чем придётся: сначала сердобольная роженица-односельчанка Зина Овчаренко после кормёжки сына сдаивала ему остатки своего молока, потом перешли на коровье, позднее – на разные каши, пюрешки.

Без Тони, без старших сыновей одинокой, живомужней вдове Марии вынести такое семейное пятилетнее ярмо вряд ли было посильно.

– Мама до последнего за корову держалась, говорила: «Зорьку под нож не отдам». А старшие братья для нас были вместо отца, – вспомнила своё прошлое невзгодье заметно постаревшая в последние годы Антонина. – Мы, кто помладше, осенью на колхозных полях собирали пшеничные колоски, остатки необранной картошки, подсолнухов, кукурузы. Помню, как объездчик гонял нас на лошади, запрещал брать колхозное. Почему запрещал, не пойму: всё равно добро пропадало, под снег уходило. А что творилось в урожайные годы? Господи, бедная пшеничка, её куда было девать. Всё, что могли, увозили в закрома в Самарку, да ведь зернохранилища тамошние не резиновые. В зиму на нашем току³ тонны зерна оставались, их даже укрыть нечем было. Все знали, видели, что зерно пропадёт, и нет бы людям раздать или продать по маломальской цене – куда там! На повозках мужики по весне увозили бедненькую в овраги догнивать. И никому ничего за это... Да вот спрашивается: зачем было засеять столько пашни, коли хранить зерно негде? А за кражу мешка пшенички два года тюрьмы давали...

В горестных словах старшей сестры вся сермяжная, выстраданная правда малограмотной русской женщины, родившей, воспитавшей, как её мать Мария, шестерых детей.

За дальним сдвинутым столом незаметно сидел дядя Ваня Руденко, старший родной брат Марии. Кажется, он всю свою жизнь прожил в большой деревне, основанной когда-то беглыми кержаками-староверами в ста километрах от областного города. Там его уважали, он был на виду – председательствовал в сельском Совете народных депутатов. Под его ведомством и контролем исправно работали почта, детский сад, восьмилетняя школа, клуб, магазин райпотребкооперации, хорошо освещались переулки-закоулки, люди весело справляли всенародные праздники. Во всех общественных делах он был компетентен, имел своё веское авторитетное слово: если что случалось, все бежали к Ивану Степанычу за советом-помощью.

– Дай-ка подсяду поближе, – примасчиваясь возле племянника на лавке, дядя, как всегда, говорил низким грудным голосом тихо, неторопливо. – Иначе не дождусь момента пообщаться.

---

³ На току, ток – место возле амбаров, где в давние времена молотили, сушили зерно.

Обрадованные встречей, сидя вполборота друг к другу, они обнялись. И в этом объятии, было видно, проявилось нескрываемое обоюдное уважение, их кровное родство. Дядя Ваня на полголовы выше племянника, в профиль – истый древний грек, сидя, сильно горбатился; он остался, пожалуй, последним из руденковского рода-племени, кто с первых дней замужества Марии поддерживал постоянную связь со всеми Лобовыми. Другие давно померли или чураются, как его младший брат Павел: после окончания войны он уехал в южный Казахстан молодым специалистом-торгашом, обзавёлся семьёй, стал начальником крупного треста столовых и ресторанов. С той поры ни разу никому не написал ни письма, ни приглашения. И Дмитрий никогда с этим дядькой не общался, его не видел. Молва утверждала, будто жинка его там всем руководит-верховодит.

– Сегодня повод для воспоминаний, и я не раз вспоминал, как Афанасий после смерти Марии привёз тебя на летние каникулы к нам в Верхубу. Ты настоящим волчонком был: молчал, смотрел исподлобья, никого к себе не подпускал. Мы с Тасей не знали, как подступиться, не помогали ни пирожки, ни варенье. Чуть что, убежал на речку рыбалить. Помнишь? Только нашу Нину, свою сестру, признавал. Вы подолгу по вечерам на лавочке сидели у палисадника.

– Всё я помню, дядя, как же! Вроде как вчера всё было... Я тогда сильно страдал без мамы, и сейчас душа моя плачет. А Нина студенткой была, рассказывала мне что-то про звезды, мирозданье – про всё, о чём любопытно расспрашивал её. Признаюсь, тогда по-мальчишески я был в неё тайно влюблён. Где она? Столько минуло всего...

– Учительствует завучем в районной школе.

– Повидаться бы, – мечтательно сказал Дмитрий.

– Приезжай, Нина возрадуется. Я, как умерла Тася, один остался. Теперь у неё живу, в Шемонаихе.

День клонился к ночи, за окном заметно потемнело, зажглись редкие уличные фонари-светильники. Постепенно незаметно стихли поминальные разговоры. У нас, православных христиан, всегда так: воспоминания о покойнике потихоньку отходят куда-то в сторону, к середине трапезы перемешиваются с житейскими проблемами, обидами; сами по себе вспыхивают недолгие споры о внутренней и внешней политике, о недавнем повышении цен на алкоголь или на всем чертям надоевший бензин. Всё наше бытие в эти часы подвергается жёсткой всенародной ревизии, многое клеймится, высмеивается и в конце концов оправдательными оговорками прощается. Иногда поминальный процесс завершается песнопением.

А что, в России и кое-где в мире живут народы, у которых прижился вековечный ритуал: поют песни у могил умерших, утверждая этим актом торжество жизни над смертью. Нам и всевышним творцом вроде бы завещано: живым – живое, мёртвым – загробное.

До песнопения у Лобовых дело не дошло (такого никогда не было), и возникшую тишину опять громогласно заполнил обделённый вниманием шурин Михайло:

– Знаешь, Димон, па-а-койничек говорил, бывало, про тебя, что ты головастый, всех Лобовых положил на лопатки. И Галина твоя, скажу, мо-о-лодец, умница. – Заметно было: Михаил явно перебрал.

– Замолол Емеля, пришла его неделя, – Валя тут же отреагировала извинительной улыбкой перед родственниками и скомандовала: – Давай собирайся, завтра с утра тебе на работу! Разводишь тут всякую антимионию.

– Не-е, Валюха, ты не угадала, я взял по случаю отгул.

– Отгул за прогул. Собирайся, я сказала! – Валентине перечить в таких случаях нельзя, всё равно настоит на своём, хоть лопни.

В безобидную словесную перепалку супругов Дмитрию всё же удалось вклиниться.

– Скорее всего, отец сказал тебе, что я двухголовый, – вздохнув, с обидной иронией сказал он. – Помню, как-то тятя пришёл поздно ночью. Пьяный. Мама два года как лежала в могиле. После её кончины он сильно переменялся, стал «заглядывать» в бутылку. Я спал вон

на той кровати. Подошёл, ключ от входной двери в кулаке и стал тукать по голове: «У-у, змей двухголовый, жизнь мне надломил». Хорошо, ватным одеялом успел прикрыться... В том году я учился в седьмом классе... Я долго не мог понять, – продолжал он, – почему отец со злобным укором сказал тогда: жизнь мне исковеркал. Только потом, в армии, наконец дотумкал. Он имел в виду последнее, послемамкино время, когда жил, совсем недолго, сначала с Натальей Ивановной, потом привёл в этот дом Любовь Сергеевну, а я их отвергал, на дух не принимал. Хотя они, правду сказать, каждая по-своему делали всё, чтобы завоевать к себе моё уважение, расположение. Ничего не вышло. Кто знает, может, я виноват...

От неприятных воспоминаний снова его нестерпимо обожгла обида. Повеселевшие родственники опять притихли. Такого откровения о покойнике в прощально-поминальный день никто не ожидал, в мыслях не держал и не знал, как поступить, что сказать: пожалеть-утешить, выразить сожаление или сочувствие? Все молчали.

Физическая боль, телесные оскорбления, связанные с этим обиды проходят, со временем забываются. Словесные, морально-унизительные никогда не исчезнут из памяти, они занозами навсегда застревают в детской душе. Да, в ином слове, русском слове, заключена и великая вдохновляющая к созиданию сила, и разрушительная, способная отравить, принизить любые порывы и желания даже волевого взрослого человека.

Двухговым Афанасий прозвал сына почти сразу, когда увидел глубокую поперечную седловину на его постриженной наголо голове: московкина бабка-повитуха Томилиха (Томилина), приняв при родах на руки младенца в холодную октябрьскую ночь сорок первого, в попытках не поправила ему хрящеватую дефектную черепушку. Может, нельзя было, побоялась, кто знает? Однако ехидно-насмешливое прозвище расплодилось по Московке и надолго прилипло к мальчику.

Напряжённое молчание нарушила добродушная Валя:

– Что тут говорить, тятя наш был с характером: что не по нём, сразу в угол или брался за ремень. Бывало, коленками на горох ставил нас с Димкой.

– Меня когда хлестал, то по делу, я не в обиде, – своё мнение высказал Петро, явно в оправдание отца.

– Ага, «хлестал», – передразнила его Тоня. – Ты у него в любимчиках ходил, хлестал тебя больше для виду. Да-а, тогда почти во всех соседских семьях фронтовики, когда вернулись домой, куролесили, особо вытворяли всякое по пьянке. Первое время тятя и мамку гонял, шибко ревновал.

– До войны такого не припомню, видать, она его крепко потрепала, – предположил примирительно Иван.

– И война виновата, а как же, – согласился Николай. – Последние годы тятя в Сталинграде служил, в военно-этапной комендатуре, пленных там сортировали по этапам после разгромного котла фашистов. Это я вычитал в его военном билете.

Половодье обид опять понесло Димку на своих бесшумных крыльях в позабытое прошлое. Со всей ясностью перед ним объявился двор родного дома, где у летней печки хлопотала Мария: ранним июльским утром она собирала в дорогу мужа, клала в походную котомку провиант. Афанасий со товарищи на весь световой день уезжал в дальний бор на заготовку соснового сухостоя и валежника для колхозных печек. Их в деревенском хозяйстве было немало, целая дюжина – в клубе, начальной школе, магазине сельской кооперации, на почте и молочной ферме.

Этим утром Димке не спалось, проснулся рано и от нечего делать сидел на завалинке дома, шурился от восходящего огненного солнца. Одновременно он с интересом наблюдал за матерью, она сноровисто завернула в вафельное полотенце полбуханки хлеба, кусок сала, четыре яйца, принесла пучок зелёного лука, два огурца с огородных грядок и две сахаристые помидорки. Всё это заботливо уложила в тряпичную сумку.

В протопленную печку, поверх затухших дровяных углей, мать примостила для подогрева литровую тёмно-зелёную бутылку с молоком и чайной заваркой, как любил Афанасий. Перед дальней дорогой в это время в одиночестве он завтракал в доме, а Мария отлучилась к ближайшим грядкам за укропом, молодой свекольной ботвой для борща.

Димку распирало любопытство: что за бутылку покляла мать в нутро печки. Такой он прежде не видал и стал усердно шуровать внутри топки кочергой-железякой, пока там что-то не звякнуло. В это время на крыльцо вышел тятя. Мария, возвратясь, кинулась к печке, а там...

– Афанасий, ты, что ли? – спросила она растерянно.

– Что я? – недоумевал хозяин.

– Бутылка твоя, разбитая...

– Дык оболтус там лазал. – Рассерженный отец гневно приказал: – На колени, обормот! Покуда из леса не приеду, будешь стоять, комар тебя забодай!

Он быстро и ловко уселся на запряжённую четырёхколёсную телегу, кнутом стеганул застоявшуюся лошадь и помчался в сторону колхозных конюшен, где-то там был назначен сбор лесорубов. Пока телега не скрылась за конторским взгорком и дорожная пыль, поднятая лошадиными копытами, медленно оседала на проезжую часть единственной деревенской улицы, Мария время от времени просила Димку:

– Да вставай уж, нету его.

Её уговоры навзрыд плачущему сыну не помогали, он уже больше получаса стоял обессиленный возле ненавистной им печки на своих костлявых, онемевших коленях. Его насквозь парализовал подкожный страх: сейчас вот, с минуты на минуту, на пыльной дороге затарахтит одноконная бричка, а на ней во весь свой могучий рост стоит тятя. Он молнией спрыгивает с повозки, хватая Димку за загривок и начинает лупить несчастного тяжёлыми, пахнущими лошадиным потом сыромятными вожжами: «Я те дам, я те покажу!»

– Проснулся, слава те, Господи! Пойдём сынок, обедом накормлю. Из свежей зелени борща наварила, сметаной приправлю. Идём... Да не зыркай, нет его! Не скоро приедет – к закату вечеру, не раньше.

Мария поднялась с края кровати, взяла маленькую детскую руку в свою, жилистую, со вздутыми венами, и они пошли, умиротворённо-спокойные, к обеденному столу...

– Заснул, что ли?.. Я говорю, ты к начальству, к власти поближе нас, должен больше знать. – Николай тормозил за рукав пиджака младшего брата, в отрешённой задумчивости смотревшего куда-то в сторону. – Вот объясни мне такой вопрос: мы строим социализм, поляки тоже. Почему в сельском хозяйстве у них поголовно все фермеры, земля в частной собственности, а у нас – сплошь колхозы и совхозы, куда взашей всех затолкали? У них в магазинах всего завалилось, никакого дефицита, люди живут заметно лучше нас. Скажи, почему поляк жирует, а нас социализмом мордуют? Я, ты знаешь, два года жил в Варшаве, посмотрелся... Мы отгрохали им Дворец бесплатно. Считаю, подарили, а сами кое как выживаем. Возьми наших прибалтов, грузин: живут себе припеваючи за счёт халявных кремлёвских дотаций. Они же нахлебники. Почему так?.. Меня обида гложит изнутри!

Стремясь познать, понять новое, осмыслить увиденное, наделённый аналитически-проницательным умом Николай всегда устраивал при случае продвинутому брату серьёзный экзамен на политическую, экономическую или социальную заковыристую тему. При этом возникавшие вопросы, государственные проблемы рассматривал всегда с практической, доходной выгоды. Спорить с ним, доказывать что-либо обратное было очень трудно, почти невозможно. Иной раз допытывался, почему наше правительство вместе с главенствующей компартией списывает из года в год, прощает многомиллиардные долги государствам Азии, Африки, Латинской Америки. Нет валюты – пускай платят сырьём, продуктами, своей территорией, наконец, говорил он.

И сейчас старший брат смотрел на младшего выжидательно и пытливо. Родственники тоже глядели на них заинтересованно, – чем закончится проблемный диспут?.. Да будь рядом с ними хоть видный учёный, профессор всяческих наук или член Центрального Комитета ленинской партии, вряд ли кому-нибудь из них удалось доказательно обосновать свой ответ. И Дмитрий вместо признания своего бессилия вынужденно ответил ему дипломатически уклончиво:

– В нашей жизни, Николай, куда ни кинь, всё упирается в политику. Оказывается, не везде можно применять одинаковые социалистические методы, способы и формы управления производством. Стало очевидным, надо учитывать местный уклад жизни, вековые традиции людей. Польша – аграрная страна, там колхозы не прижились...

– Постой-погоди, ведь что получается: ихний уклад учитывать надо, его нельзя ломать, а мой, наш крестьянский уклад почему поломали?..

Недовольный ответом Николай хотел продолжить затеянную дискуссию, окончательно пригвоздить брата-журналиста другими убийственно-негативными примерами из жизни советского общества, но с весёлым подшучиванием спасительно вовремя для Димки вмешалась Валентина:

– Братцы-китайцы, хватит вам бодаться. Димка-братишка, ты едешь к нам или как?

У выхода на веранду толпились давно одетые по-зимнему Тоня с мужем Иваном, Михаил. Дмитрию по-семейному жребии выпало ночевать вместе с ними у Вали, в промышленном пригороде. Прощаясь с оставшимися родственниками, он сказал, что через день-два планирует вылететь домой в вечномёрзлую Якутию, где ждут его малолетние, почти погодки Лена и Оля и черноокая Галина. А завтрашний день он посвятит своей родной телестудии, в которой без малого три года проходил свои начальные журналистские университеты.

* * *

... В России испокон веков бытует ставший общенародным лаконичный вердикт по усопшим: «О покойниках либо хорошо, либо ничего». Обычно об умершем, его делах в прошлой жизни в поминальные дни мы говорим много дифирамбов. Но мало кто знает изначальный смысл этого изречения, а он таков: «О мёртвых либо хорошо, либо ничего, кроме правды». Эти мудрые слова, ставшие афоризмом, принадлежат древнегреческому поэту, политику Хилону из Спарты (VI в. до н. э.).

Воистину философское умозаключение древнего грека русский князь В. Ф. Одоевский, писатель, мыслитель эпохи романтизма, убедительно трактует следующим образом: «Ложь или даже подозрение против живого не опасны – он сам огрызается; ложь или даже подозрение против мёртвого позорны. Но правда и против мёртвого, и против живого – дело святое». Из нашей, русской интерпретации крылатого выражения почему-то выпало корневое слово – «правда».

Без этого слова, без правды, соблюдая этикет приличия в поминальных речах возле могилы, наверное, обойтись можно. Но в кругу родных она, эта правда, как цветок из-под асфальта, пробиваясь, всё равно потянется из последних сил к солнечному свету.

II. Украинский вояж

Он ехал в центр города, в сторону телестудии, когда на автобусных остановках народу заметно поубавилось, стало меньше, чем в утренний час пик. В салоне автобуса с облупившимися креслами до рези в глазах витали невидимые ядовитые пары малооктанового бензина, отчего двигатель, фыркая, чихал и дёргался, когда машина трогалась с места. Пассажиров подкидывало на запорошенных свежим снегом дорожных выбоинах, но это не отвлекало и не раздражало Дмитрия, пристально вглядывавшегося через отпотевшее оконное стекло в проплывающие мимо жилые пятиэтажные панельные дома-хрущёвки, дымящие высокими трубами заборные заводские цеха, в укутавшихся шальями и шарфами, съёжившихся от весенней промозглой стужи прохожих.

За семь лет, навскидку, в городе вроде ничего заметного не произошло. Однако про себя он всё-таки отметил те перемены, о которых вчера мимоходом рассказали братья и сестра Валя. Горожане обжили новый микрорайон на Стрелке – полуостровной части города, где сливаются воды горной Ульбы с Иртышем. Власти города нашли деньги и достроили-таки автомобильный мост через буйный Иртыш. Во всю ивановскую идёт долгожданное благоустройство набережной Ульбы; недалеко от протоки Иртыша, рядом с телестудией, раскинулся большой развлекательный парк отдыха. Дмитрий умилённо улыбнулся, вспоминая: в те годы, когда работал на телевидении, одну из своих вечерних передач он как раз посвятил началу строительства этого парка. «Нет, – удовлетворённо подумал он, – обновление идёт, город меняет своё лицо».

И всё же знакомые очертания заводских корпусов, старые, царских и сталинских времён дома, исхоженные когда-то улицы, везде растущие неприхотливые свечи-тополя, вечно бегущие куда-то озабоченные горожане – всё это сейчас было для него немного чужим, виделось в расплывчатой ретроспективе. Всё почему-то выглядело больше с оглядкой назад, в прошлое. Такое смещение настоящего и минувшего в эти минуты перемежалось то реалиями, то наваждениями, то былью, то небылью. Порой думалось: неужели на самом деле он жил здесь, любил, страдал, мечтал, а может быть, вовсе не жил, не страдал и не любил?.. Подобные охватывающие душу метаморфозы случаются с людьми эмоциональными, богатыми силой воображения, чем Лобов был одарён от природы щедро.

Не любить, не хвалиться этим городом было невозможно. Так естественно, географически удобно, самой судьбою расположился он в том месте, где непокорный Иртыш, набирая водную силу, вырывается из тисков устья каменных гор и катится дальше серебристыми волнами по Западно-Сибирской равнине, до впадения в многоводную Обь. Именно на этом равнинном междуречье при слиянии строптивой в весеннее половодье Ульбы с Иртышем, остановили свой выбор казаки отряда генерал-майора Лихарёва. Посланные Петром I за «песошным золотом», они должны были застолбить в этих диких, безлюдных, сказочно богатых золоторудных азиатских краях опорно-державную крепость и возвели её на века в 1720 году. Позднее поодаль выстроили из камня неприступную тюрьму, прозванную по схожести Восточносибирским Шлиссельбургом, откуда никому и никогда не удавалось бежать. Эта тюрьма-крепость по сию пору служит городу по своему изначально-печальному предназначению.

Вместе со славным Усть-Каменском в не столь давнее советское время рос, развивался, мужал и Дмитрий, ему всё здесь было знакомо и дорого.

Он любил этот город со всеми захолустными проулками и одновременно гордился своей гражданской принадлежностью к нему. Любил так, как порой необъяснимо почему и за что женщины любят мужчин с недостатками, достойными, быть может, нравственного порицания. И после трёх лет воинской повинности, несмотря на все временные, событийные жизненные наслоения, в его благородном сердце осталась к этому городу не угасшая, зарождённая ещё в детстве любовь. Так бывает и будет всегда: после долгой разлуки с дорогим, любимым чело-

веком шемит, трепещет сердце от воспоминаний, от несбывшихся желаний и надежд или от бесцельно прожитых годах – у каждого своя причина. От ностальгически тягостно-печального или радужно-весёлого прошлого никому не удаётся отгородиться, убежать или спрятаться...

Минуло полтора послеармейских года, как Дмитрий работал слесарем на большом многопрофильном свинцово-цинковом комбинате, а жил попеременно то у Вали, то в семье Ивана. Так сложилось потому, что Афанасий Григорьевич, пока младший сын служил Отечеству, снова успел жениться и в тот год сожительствовал с некой Клавдией Савельевной. Чтобы не мешать этому союзу, сын разумно жил от него отстранённо.

Однажды воскресным вечером, коротая время у чёрно-белого экрана телевизора, он неожиданно потянулся за поршневой чернильной ручкой после просмотра молодёжной передачи, чтобы «по горячим следам», в один присест, написать критические заметки в адрес её создателей. Говоря по правде, письмо написал без конкретной обдуманной цели и без всякой надежды на ответ.

И вот, как снег на голову, услышал с порога возбуждённый голос Ивана; он привычно всегда заглядывал после работы в почтовый ящик.

– Ты на телевидение писал?

– Было дело, я уж подзабыл, – отозвался Дмитрий.

– А я смотрю, конверт необычный, фирменный... Тогда пляши! – Старший брат играючи спрятал конверт за спину.

Пришлось младшему вспомнить заученную с детских лет каблучковую танцевальную дробь.

В письме машинописным шрифтом уважительно было изложено волнительное для адресата сообщение:

«Уважаемый Дмитрий Афанасьевич!

Благодарим Вас за проявленное внимание к передаче „На крыльях мечты“ и высказанные в наш адрес замечания, пожелания по улучшению содержания телепередач. Ваше рекомендательное письмо стало предметом обсуждения на еженедельной творческой планёрке наших сотрудников. Ваши пожелания и предложения мы обязательно учтём в будущем.

Одновременно сообщаем, что мы заинтересованы во встрече с Вами и приглашаем посетить телестудию в удобное для Вас время, где мы могли обсудить дальнейшее (возможное) сотрудничество.

С уважением, Я. Ярополов, ст. редактор молодёжных программ».

– Вот оно как обернулось! – воскликнул обрадованно Иван – Тебя, видно, туда зовёт судьба. Сходи поговори: за спрос не бьют в нос!

На проходной телестудии дотошный вахтёр прочитал приглашение и, набрав телефонный номер, с оттенком условного пароля кому-то сообщил:

– К вам посетитель... – А Дмитрию маршрутно подсказал: – Первый этаж. Третья дверь по коридору, слева.

В просторной комнате-кабинете за письменными столами, расставленными по углам и периметру, сидели две женщины бальзаковского возраста и двое мужчин. Один из них, что находился справа от входной двери, приподнял от вороха бумаг свою очкастую голову и приветливо спросил:

– Вы, полагаю, Лобов... по нашему приглашению? Присаживайтесь...

Все присутствующие с нескрываемым интересом изучающе стали смотреть на 23-летнего паренька, письмо которого накануне сделало освежающий переполох среди редакторов, режиссёров, операторов – всех творческих работников телестудии. От такого многоглазого внима-

ния Дмитрию стало не по себе. Со стороны видно было: он сильно волнуется. Заметив это, сотрудники спешно перевели свои разговоры на внутриредакционные дела.

Собеседником Дмитрия оказался рано лысеющий черноволосый Ярослав Ярополов, – тот самый, кто прислал ему приглашение. Во время беседы выяснилось, что он временно по совместительству замещает ушедшего в отпуск редактора молодёжных программ. Основным, базовым его детищем являлась эта редакция, на двери которой висела табличка «Редакция народного хозяйства». В её названии содержалось то главное направление, чем занимались сидящие здесь люди – подготовкой и выдачей в эфир разноплановых передач, программ прежде всего о жизнедеятельности промышленных и сельскохозяйственных предприятий области.

– Нас заинтересовало твоё предложение сделать передачу с участием военнослужащих, отслуживших срочную. То есть глазами земляков, бывших в отлучке, ты хочешь показать важные городские перемены, что нового появилось за это время. Идея хорошая. Мы свяжемся с городским военкоматом, где подберут тебе в компанию пару-тройку ребят побойчее из твоего призыва и других родов войск. Тебя, Дмитрий, мы решили сделать соведущим передачи, будешь помогать вести в эфире диалог нашей ведущей Людмиле Гамовой.

Незаметно для себя Ярослав в обращении сразу перешёл на «ты», к чему, между прочим, располагала небольшая между ними возрастная разница – какие-то восемь лет.

– Да справлюсь ли я? – растерянно спросил Дмитрий. Так убедительно, а главное, доверительно и заинтересованно с ним никто прежде не разговаривал.

– Знаешь, не боги горшки обжигают. У тебя получится, будь смелее! – Хитро щурясь умными глазами через позолоченную оправу, Ярослав парировал сомнения своего визави. – У нас до выхода в эфир заведено правило: режиссёры проводят тракт – проверочные, тренировочные прогоны. И мы поступим так же, обкатаем вас и заодно сценарий. Через пару дней редакторы «молодёжки» напишут конкретный сценарный план, тогда начнём поэтапно работать...

Беседа двух молодых людей, увлечённых общей целью, затянулась, и когда Дмитрий собрался уходить, Ярополов успел запоздало представить ему своих молчаливо корпевших редакторов:

– Наши дамы: Любовь Георгиевна Мартова, Ираида Дронова... А в углу пыхтит-пишет наш ветеран Свеидов Игорь Николаевич, – театрально, слегка наклоняя голову, с шутивным оттенком в голосе представил каждого Ярополов. – Если меня вдруг не будет, обращай к ним, они решат твои проблемы.

И дамы, и седовласый Свеидов дружелюбно улыбались, подтверждая слова шефа вежливым кивком. Дама, что помоложе, невольно задержала на себе взгляд Дмитрия своей преддродовой полнотой, которую уже не могло скрыть свободное покрывало однотонное тёмно-сиреневого цвета шерстяное платье.

Студию Лобов покидал окрылённым, и ему совсем не хотелось идти домой, его объяло желание побыть наедине с собой, понять, что с ним произошло. «Этот хитрец Ярополов, – размышлял он по дороге, – на лету уловил моё затаённое, потребное стремление к писательству». Ошарашенный незнакомыми телевизионными словами-сленгами («тракт», «соведущий», «прогон», «сценарный план»), одновременно сильно озадаченный, Дмитрий, между тем, находил сердечное утешение в словах Ярополова, которыми тот исподволь, но напористо подталкивал его к сотрудничеству. Лобов сразу почувствовал в нём и безоговорочно приобрёл для себя душевного собеседника, умного советчика – почти соратника...

Запланированная передача с участием Лобова и другими отслужившими земляками вышла в эфир в воскресное вечернее время. На очередной обзорной еженедельной планёрке, где присутствовало высокое начальство – председатель областного комитета по телевидению и радиовещанию, директор телестудии, главный редактор, главный режиссёр, – эта передача среди молодёжных программ получила похвальную оценку.

По-солдатски быстро приняв после трудовой смены заводской душ, Дмитрий торопился скорее добраться до телестудии, где в назначенное время его поджидал Ярополов. В редакции знали, что он должен объявиться с минуты на минуту, и никто не спешил уходить домой; сотрудники, особенно женщины, захотели повидаться с ним, сказать слова поддержки.

– Сегодня только о тебе разговоры, – кивая на млеющих от встречи с ним сотрудниц и приветствуя вошедшего Дмитрия, сказал Ярополов.

Любовь Георгиевна на лету подхватила слова шефа:

– Ты нас приятно удивил. Молодец, дебют удался.

– Всем моим домочадцам ты понравился. И знаешь чем? – загадочно спросила быстроговорливая Ираида на выходе из кабинета. – Своей непосредственностью.

– А моим – естественной фотогеничностью, – добавила щедрая на похвалу Мартова.

Лобов стоял с открытым ртом, не находя сил что-нибудь ответить. Он еле-еле, с большим усилием, выдал из себя благодарное «Спаси-и-бо-о...».

– Ну, комплиментов тебе хватит надолго. Давай поговорим на перспективу, – сказал Ярополов тоном, содержащим в себе приговор высказанным восторгам.

Они остались одни и долго, обстоятельно говорили о специфике, особенностях работы на телевидении, о зарождающейся профессии – тележурналистике, её телевизионных жанрах; о взаимодействии авторов, создателей программ (по штату значимых редакторами) с режиссёрами, дикторами, телеведущими, теле-и кинооператорами. Много из того, о чём рассказывал опытный Ярополов, Лобову было загадочно непонятно, неизвестно, и это вызывало в нём ещё большее стимулирующее желание скорее всё познать, попробовать, испытать на себе.

Ярополов увидел в жаждающих Димкиных глазах пытлившую заинтересованность освоить ключевые навыки журналистского ремесла, втайне радовался этому. В начале шестидесятых XX столетия в масштабе необъятного Советского Союза в каждой республике и областном центре происходил взрывной телевизионный бум – строили передающие телевизионные центры, в то же время все телестудии вынужденно сидели на голодном кадровом пайке. Высшие учебные центры не успевали, а чаще не были приспособлены к выпуску дипломированных квалифицированных режиссёров, журналистов, их приходилось переманивать из газет, журналов, радио, драматических театров с последующим доучиванием и переучиванием. Дальновидный Ярополов в этом молодом человеке увидел крепкие зародыши будущего журналиста.

Долго жить в эйфории от достигнутого не пришлось. Ярополов незаметно намеренно усложнял для Дмитрия редакционные задания, чтобы его стилистические, жанровые способности проявлялись как можно ярче, во всём возможном телевизионном многообразии. С этой целью он подсказал своему режиссёру (народнохозяйственных передач) Виктории Альбертовне обсудить с молодым нештатным автором возможность освоить новый для него жанр – интервью. И как только она увидела его в вечерний час в конце коридора, тут же наигранно окликнула приказным голосом:

– Лобов, стоять! – В этой манере, тональности проявилось её неистребимое режиссёрское диктаторское нутро.

Через минуту, приклонясь к плечу Лобова, Виктория фамильярно взяла его под руку, и они медленно продолжили путь. От такого близкого, быстрого прикосновения к привлекательной женщине Дмитрия бросило в жар, он заметно сильно покраснел.

– Да не бойся, не съем я тебя. Я к тебе с предложением, – любуясь робкой растерянностью юноши, деловито заговорила тридцатилетняя Виктория. – Давай попробуем тебя в эфире ещё раз, только теперь в качестве интервьюера, ведущего. На носу День металлурга... повод для интервью. Пригласи директора комбината, где работаешь, и погоняй его вопросами.

– А что, так можно? Я ведь рабочий..., – возразил Дмитрий.

– Дурачоок. – Виктория ласково притушила сомнения юноши. Продолжая вселять в него уверенность, она решительно заявила: – Запомни, здесь ты для всех нас корреспондент, а на

заводе – рабочий. Позаботься, чтобы во время беседы поменьше было скукоты: цифр, выполнения-перевыполнения, от чего голова пухнет. Сделай с кинооператором хороший киносюжет о рабочих комбината, это украсит, обогатит интервью. О других деталях я поговорю с Ярославом.

Она легко, по-девичьи, крутанулась на модных высоких каблуках, оставив Дмитрия в раздумье, и, вилля воздушной, пошитой колокольчиком юбкой, скрылась за очередным коридорным поворотом телестудии.

Телеинтервью показали в прямом эфире в выходной, праздничный для металлургов день. Заметно были видны на телеэкране нешаблонная режиссёрская трактовка праздника и дозированной импровизация ведущего, которую Дмитрий уместно вклинивал в канву передачи. Но главная интрига этого интервью таилась в том, что директор многотысячного предприятия не знал, даже не мог себе предположить: перед ним сидел его наёмный работник, слесарь электролитного цеха и с пристрастием расспрашивал о заводских производственных делах. В понедельник после очередной общестудийной планёрки директор телестудии Богатырский вызвал в свой кабинет Ярополова.

– Ярослав Александрович, ты просил меня выписать своему подопечному удостоверение нештатного корреспондента?

– Да, просил. Фёдор Антонович, он заслужил такое признание, —подтвердил свою просьбу Ярополов.

– Вижу, наблюдаю. Растёт хлопчик. Вот удостоверение, вручи ему от моего имени.

Когда Ярополов вручал Дмитрию удостоверение в присутствии всех своих сотрудников, он сделал ему небольшое памятное напутствие:

– Дима, теперь ты будешь официально представлять на предприятиях, в учреждениях области наши редакционные интересы в свободное от своей основной работы время. Не каждому дано стать журналистом. Тебе, мы видим, это будет посылно. И заруби себе на носу: настоящий журналист – тот, кто умело сочетает, применяет в своём творческом ремесле задатки писателя, исследователя и следователя.

– Един в трёх лицах? – уточнил Дмитрий, припоминая что-то из христианского учения о боге.

– Именно так, – не задумываясь, согласился безбожный коммунист Ярополов.

Окружённый заинтересованным к себе вниманием, Лобов продолжал усердно сотрудничать с «Редакцией народного хозяйства». Постепенно стал узнаваем среди штатных сотрудников других редакций, некоторые при встрече даже здоровались с ним, что бывает нечасто среди амбициозно настроенных творческих людей.

...За обледеневшими окнами телестудии еле светило предновогоднее декабрьское солнце шестьдесят четвёртого года. Великая страна третий месяц жила в размеренно-спокойном ритме, без кремлёвских, ставших привычными волюнтаристских внутривластных потрясений Никиты Хрущёва. Устроив бескровный партийный переворот, в октябре на его коммунистическое кресло сел новый лидер, взвешенно-уравновешенный Леонид Ильич Брежнев. После «мудрого» хрущёвского правления коммунисты 16-миллионной правящей партии молча, незаметно поменяли в своих кабинетах не только портреты, но и заржавевшие гвозди, на которых они висели: рядом с великим, канонизированным Ильичом пригвоздили нового вождя – Леонида Ильича. О бывшем кукурузном реформаторе Хрущёве народ тут же забыл, будто такого человека никогда не было на свете, разве что имя его регулярно всплывало в другой народной памяти – в обновлённой серии политических анекдотов. Поменял в своей редакции портрет Хрущёва на портрет Брежнева и секретарь парторганизации телестудии Ярослав Ярополов.

Первой в то холодное утро спохватилась круглолицая смуглянка Любовь Георгиевна:

– Вам не кажется, друзья, что в нашей обители чего-то, точнее, кого-то не хватает.

Коллеги выжидательно уставились на неё, пытаясь понять, куда она клонит и на что намекает.

– Около месяца, как не заглядывает к нам Дмитрий. Мне, например, как-то не по себе.

– В самом деле, парня давно не было, – подтвердила её опасения Дронова.

– Давайте подождём Ярослава Александровича, может, он прояснит, – предложил Свидов.

Опоздавший, запыхавшийся Ярополов быстро уселся за свой стол, протёр носовым платком запотевшие стёкла очков, посмотрел поочерёдно на всех и спросил:

– Что-то стряслось? Я с Юлькой задержался, в садике.

– Сидим вот, гадаем. Вы в курсе, что с Дмитрием? – напористо за всех спросила Мартова.

– Я немножко виноват перед вами, хотел оповестить, когда всё утрясётся. – Ярополов слегка заёрзал на стуле. – С ним всё в порядке, на Украине теперь живёт.

– Это как же?! – удивлённо развела руками заметно расстроившаяся Мартова.

– Его позвал к себе важный родственник – дядька, а тут с жильём проблемы, зарплата с гулькин нос. Оклад слесаря. Я сам в изумлении: приходит в выходной, стоит, мнётся в прихожке. Оля моя приглашает в зал, а он: «Я ненадолго, тороплюсь...» Вкратце рассказал о своём решении и попросил дать ему нечто вроде рекомендательного письма. Вот копия.

Ярослав вытащил из своего затасканного портфеля отпечатанный на машинке лист, который тут же пошёл по рукам столпившихся сотрудников. Все они положительно оценили содержание. Между прочим, оно начиналось необычным оглавлением.

«Творческая характеристика

Нештатного автора Усть-Каменской

студии телевидения

Лобова Дмитрия

Дмитрий Лобов сотрудничал штатным автором Усть-Каменской студии телевидения более года. Знакомство с ним, как это часто бывает, началось с письма в редакцию. Он предлагал тему для телевизионной передачи. Такая передача вышла в эфир, и автор письма принял в ней непосредственное участие.

Так студия приобрела одного из своих активнейших штатных авторов.

Начал Дмитрий, не имея для авторской работы абсолютно никакой подготовки. Ему пришлось осваивать с азов не только телевизионную специфику, но и журналистское мастерство. Теперь есть все основания считать, что Дмитрий Лобов – растущий и подающий надежды автор.

По его сценариям было снято и прошло в эфир ряд телевизионных очерков и сюжетов. По специальному заданию студии он не раз выезжал в свободное время в сёла и рабочие посёлки области для подготовки оперативных передач и репортажей.

Полагаю, что занятия Дмитрия и впредь в этом направлении небесполезны и ему есть полный смысл работать и дальше над овладением профессии журналиста.

Ст. редактор Комитета по радиовещанию и телевидению

Я. Ярополов.

2 декабря 1964 года».

* * *

В село Покровское, что раскинулось на правом берегу искусственного Каховского водохранилища, Лобов добрался под вечер, хотя рассчитывал прибыть сюда аккурат к обеду. Не получилось, как замышлял, ввиду того, что в городке Шостка он уселся в автобус, идущий

в том же маршрутном направлении, только в другое дальнейшее селение. Вот и пришлось ему преждевременно сойти на оживлённой трассе и топтать от неё до намеченной цели километра два. Благо поклажи было немного: небольшой дерматиновый чемодан, набитый книгами и кое-каким барахлишком, да спортивного вида сумка с длинным ремнём на плече, на дне которой из угла в угол перекатывались остатки дорожной провизии.

Поехать «трохи пошукать» лучшей доли на Украине его надоумил Михаил. Для этого у него нашлись веские житейские аргументы: недалеко от казачьей Покровки, в уютном марганцеворудном городишке N, жил его дядька по материнской линии Андрей Николаевич Грищенко. С ним племянник связался подвернувшейся оказией и упросил приласкать, устроить Димку «на хорошую, престижную работу». В самом деле, дядька в те годы неограниченно располагал такими возможностями, так как много лет служил в должности начальника отдела кадров крупнейшего и единственного в Союзе марганцевого горно-обогатительного комбината. Таких огромных залежей марганцевой руды больше нигде в Союзе не было, а во всём остальном мире – только в ЮАР.

К нему-то и держал свой путь Дмитрий, но вначале ему предстояло отыскать старшего брата Михаила, известного каховского рыбака Сашку, или, если хотите, уважительно, по отчеству – Сан Саныча. Сделать это, уверял шурин, будет совсем нетрудно, поскольку брата в Покровке знает всякая захудалая дворянка. У него, по уговору, первые гостевые дни должен был пожить искатель лучшей жизни, а потом пусть будет так, как рассудит дядька.

С такими раздумьями уставший Лобов приближался к маячившей на окраине села тёмно-синей табличке. Своей красивой письменной вязью она извещала каждого пешего, конного и машинного о том, что «с. Покровське, Засноване козаками Нової Січі в 1734 році».

За спиной путника, позади пройденного им пути, осталась половина села, и он наконец решился спросить у тётки, одиноко стоявшей в ожидании кого-то у забора своего палисадника:

– Подскажите, где у вас «Земляничная». Там Сашка-рыбак живёт, знаете?

– Так як же! Ще трошки пройдёте, налево проулок буде, там він з Анькой живе, – молвила звенящим, но приветливым голосом крепко сбита, румянощёкая незнакомка.

Издалека, через оголённые ветви садовых деревьев, Дмитрий увидел на крыльце саманного дома женщину сорока лет, одетую поверх крупной вязки свитера в безрукавную цигейку. То была Анна. На ней нарядно выделялась удлинённая, расклешённая по моде юбка. Со всем этим в гармонии смотрелись хорошей модели, на толстой подошве, боты. Одета она была по погоде, которая в этом регионе стояла тёплой, и приближающийся Новый год по всем приметам обещался быть бесснежным. Однозначно благосклонно влияло на потепление здешнего климата рукотворное, плескавшееся под боком Покровки Каховское море.

– Я догадалась, вы из Казахстана, – когда гость поздоровался, буднично, без эмоций сказала хозяйка. – Сашко про вас вчѐра говорил, он скоро буде, він працює⁴. Да ви заходьте, проходите зразу в залу...

Как и большинство местных жителей Анна говорила на своём привычном, неповторимом украино-русском, русско-казачьем винегретном языке. Такая необычная, такая цветастая речевая палитра здесь никого не напрягала, наоборот, всякого славянина магнитом притягивала, ласкала его душу ярким лексическим колоритом. Своей мягкой, певуче-спокойной манерой говорить, скрытым лукавством округлых глаз чернбровая казачка мгновенно очаровала гостя.

– Спочивати⁵ будете тамо. – Она указала на угловую, выходящую из зала дверь спальни.

В это время на диване, наискосок перед чёрно-белым телевизором, сидели смиренно любопытно смотревшие на пришельца мальчик и девочка – ни дать ни взять брат и сестра. Леонид

⁴ Он работает (укр.).

⁵ Спочивати (укр.) – отдыхать, спать.

был весь усыпан рыжими конопушками, и на голове его копнились густые, золотистого отлива волосы; несмотря на такое сильное природное вмешательство, он внешне выглядел чертовски привлекательным и красивым. Сестра, двумя-тремя годами постарше, назвалась Варварой, она смотрела на Дмитрия большими мамкиными глазами.

От пристального, выжидательного любопытства детей ему стало неловко, и он неуклюже полез в свою дорожную сумку в надежде найти там хотя бы пару конфет. И когда наскрёб горстку сладостей, подсел к ним и облегчённо-просительно сказал:

– Вот, ребята, гостинцы казахстанские... Берите, они сладкие.

Дети робко, стеснительно улыбаясь, потянулись за угощением.

– А я баньку натопила загодя, пойдёте?

Не дождавшись ответа, Анна положила пушистое полотенце на край круглого стола.

Безжалостно отхлестав дубовым веником своё утомлённое путешествием тело, Дмитрий выскочил из жгучей парилки в прохладный предбанник. Там на лавке сидел рослый, голый, рукастый, с налитыми мышцами торса мужчина. Это был Санек. Они поздоровались крепким мужским рукопожатием.

– Как тебе наш парок? – весело спросил гостя Александр, налегая на слово «наш».

– Пробирает что надо! Спасибо хозяйке.

– Давай-ка, Дмитрий, для начала ударим по пиву. – Хозяин незаметным движением руки подёрнул широким золотым кольцом сразу две крышки охлаждённого бутылочного пива. – Наше, никопольское.

Из стеклянных горловин потянулся еле заметной струйкой пивной дымок – признак свежести алкогольного напитка. Удивлённый циркачеством Сашкиных пальцев, Лобов поинтересовался:

– Где так наловчился, кольца не жалко?

Без намёка на браваду тот отвечал:

– Поживи с моё, узнаешь. А кольцу ни хрена не будет, золото крепче жестянки... Ты отдыхай, я пойду косточки погрею...

В русской бане млеет сладкой истомой не только тело, вместе с ним блаженством наполняется душа. И происходит это не вдруг, а с медленной растяжкой, ибо баня не любит суеты. Особенный стрессовый кайф, не похожий на другой, славяне получают после нырка в снежный сугроб или от ледяного ушата воды, опрокинутого на разгорячённое тело. Димка не удержался от второго захода, окатил себя из бочки холодной водой и снова очутился в раскалённой сухим паром парилке. Потом оттуда долго было слышно, как два мужика, «не щадя живота своего», с прикриком лупили поочерёдно друг друга разлапистым дубовым веником.

Уставшее за день солнце, бесшумно угасая, закатилось за четырёхскатные крыши дальних хат, серая темень тут же окутала околосемное пространство. Со стороны искусственного моря потянуло травянистой прохладой. На летней кухне на раскалённой чугунной плите призывно шкварчала, просилась на стол румяная картошка с поджаренным на сале запашистым луком.

– До вас не докричатся, ведь всё стынет... – Хозяйка встретила мужчин сдержанным упрёком.

Она заметно похорошела, выглядела в новом одеянии празднично-нарядной: на этот раз на ней были ослепительно-белая с вышивкой на рукавах и под горловиной блузка, малинового цвета подпоясанная юбка и кожаные красные изящные сапожки.

– Казахстанец оказался неслабого десятка, сдюжил наш парок, – усаживаясь за кухонный стол, сказал Анне Сашок. – Плесни-ка нам по первой за встречу. Я понял из Мишкиного письма, ты к нам надолго.

– Надеюсь, – уклончиво отозвался Дмитрий.

– А шо, тут и думать не надо! Край наш чернозёмный, всё растёт – только не ленись. Палку воткни – вишня вылезает... Колхоз у нас большой, из пяти деревень создали, – нахваливал хозяин колхозную жизнь, её красоты, при этом оглашал убедительные аргументы.

К удивлению гостя, он ни разу не заговорил на местном украинском или казачьем диалекте. Закоренелым националистом бандеровского толка, иногда упрекавшим его в русофильстве – любви ко всему русскому, – он категорично, с вызовом отвечал: «Да, я больше русак. Рос среди русских, учился в русской школе, в армии служил с русскими ребятами, чего вам надо? Вся Украина невесть когда сроднилась с Россией. Отцепитесь!» Действительно, его украинское родство выдавала лишь редкая фамилия – Прибыляко, хотя на фоне других (Свинолуп, Писунько или Перебийнос) она отличалась значительно большим благозвучием.

– Я прошёл полсела, и везде стоят добротные, ухоженные дома. На главной улице асфальт, такое у нас не в каждом райцентре увидишь.

– Куда казахам до нас! – махнул рукой возбуждённый алкоголем Сашка. – Колхоз наш всегда в прибылях, иной год председатель не знает, куда доходные деньги вложить. Рядом, сам знаешь, Европа, рукой подать – Польша-родственница, да и земля эта с черти каких времён осваивалась. Слыхал про скифов? Говорят, жили они здесь в IV веке до нашей эры. До нашей эры! Представляешь? И казаки-запорожцы испокон веков селились вдоль Днепра. А про древний торговый путь «Из варяг в греки», что по Днепру проходил, слыхал?

Где-то когда-то Дмитрий читал про этих скифов, пришедших на южные земли России и Украины со стороны Ирана, потом, через века, исчезнувших куда-то, и про загадочный торговый водный путь, связавший Северную Русь с Южной, затем Прибалтику и Скандинавию с греческой Византией. В забытые богом древние времена торгошники-варяги и купцы-славяне ходили судами не только по Днепру, изначально варяги проложили себе путь по великой Волгематушке. Санька-рыбак приятно удивил его своими историческими познаниями.

Анна с детьми терпеливо и смиренно слушала оживлённый мужской разговор, и ей всё-таки удалось ухватиться за возникшую паузу, она обратилась к гостю:

– Дима, ты его не переслушаешь, коль шлея под хвост попала. Знаешь, как местные мужики его кличут? Ходяча энциклопедия...

– А что, прилично звучит. Видишь, как жена тебя нахваливает?

– Ну-ну, ты не шибко комплименты сыпь. – Санька заметно поменялся в лице, ревниво захмурил и добавил, как отрубил: – Бабу захвалишь – скоро потеряешь.

– Да ну тебя, забалаболит, – обиженно сказала Анна и, забрав Лёньку с Варварой, скрылась за плотно прикрытой двустворчатой дверью детской спальни.

– Санёк, к дядьке когда поедим? Отсюда далеко? – озабоченно спросил Дмитрий, когда увидел, как сородич, не глядя, нащупал левой рукой дверцу холодильника, приоткрыл её и выставил на стол вторую бутылку украинской горилки.

– Куда спешишь-торопишься? – в свою очередь спросил захмелевший Санька. – Поживи, посмотри, к морю сходи, в музей колхозный. А хочешь, на рыбалку с моей братвой смотаемся, ушицы нашей поедим...

Анна и дети, должно быть, давно спали. Часовое время, скорее всего, перевалило за полночь; часов на кухне не видно было, но они еле слышно где-то тикали. Мужики между тем не замечали ни течения времени, ни непроглядной темноты за окном, ни накуренного папиросного дыма, медленно выползающего на улицу через открытую настежь форточку. Разговорные темы стремительно, как блохи, перескакивали с одного края на другой, а Димку не покидали слова Валентины, сказанные ему перед отъездом:

– Человек он работающий, весёлый, да вот за воротник крепко закладывает. Аннушка жаловалась...

– Бывает, – признавался Александр в таких случаях, не оправдываясь – резьба срывается. Когда на душе мутно...

Назавтра, несмотря на выходной, он с первыми петухами оседлал своего послушного «ослика» – одноцилиндрованного «Ковровца» и умчал на колхозный артельный причал: рыбацкая путина не признаёт ни похмелья, ни воскресных дней.

* * *

Таких беззаботных дней у Лобова никогда не было. Два раза ходил в колхозный музей, отдельные экспонаты которого впечатлили и, по его оценке, достойно могли пополнить коллекцию областного краеведческого музея. В одиночестве целыми днями бродил по отлогому берегу моря, наслаждался слабыми всплесками накатных холодных волн. Вон там, за искристым водным горизонтом, веками протекали пенистые воды седого Днепра, только теперь его русло давно и навсегда скрылось под многометровой морской пучиной. Невзирая на каменные пороги, здесь под парусами и на вёслах ходили в дальние военные походы вольные казаки-запорожцы.

Удивительные, самобытные люди были эти казаки. Они никогда не признавали над собой ничьей власти – ни крымского хана, ни турецкого султана, ни русского царя. Весьма достоверно, исторически точно показан разухабистый, воинственный характер казаков в известной картине И. Репина «Письмо запорожских казаков турецкому султану». В ответном письме на ультиматум султана они издевательски писали ему: «Ты, султан, чёрт турецкий, и проклятого чёрта брат и товарищ, самого Люцифера секретарь. Какой ты к чёрту рыцарь, когда голой жопой ежа не убьёшь. Чёрт ты, высрана твоя морда. Не будешь ты, сукин ты сын, сынов христианских под собой иметь, твоего войска мы не боимся, землёй и водой будем биться с тобой...»

То были воины-наёмщики, жившие в своём обособленном сообществе, с атаманом всего казачьего войска, защищавшие свои земли, свою христианскую веру. «Казак куда хочет, туда и скачет, никто за ним не заплачет» – такой девиз вёл их по жизни всё время, пока не присягнули русскому царю. Жён они не держали, землю не пахали, промышляли скотоводством, звериной охотой, рыбной ловлей. Совсем уж в стародавние времена не гнушались награбленной добычей от набегов на соседствующие малочисленные племена.

Первоначально казаки долгое время жили своим войском в родоначальной Запорожской Сечи, что южнее труднопроходимых водных порогов Днепра. Отсюда и родилось её название, а «сечь» (или «сичь») означает засеку, укрепление. Таких приднепровских мест непокорные казаки поменяли семь раз, пока в 1774 году последним поселением для них не стала Новая Сечь возле Покровки. Здесь одно время квартировал сам атаман всего казачьего войска.

Из этих мест унижительно притесняемый польскими шляхтичами гетман Богдан Хмельницкий с верными казаками-запорожцами написал и отправил челобитную русскому царю, где слёзно просили: «Хотим себе самодержца такого, хозяина в своей земле, как ваша царская милость православный христианский царь... К милостивым ногам вашего царского величества покорно отдаёмся». Земский собор Московии не давал этому прошению никакой огласки пять лет, дабы не испортить соседские договорные отношения с польским королевством. Лишь в январе 1654 года Россия на особых условиях взяла под своё защитное крыло вольных запорожцев: на собрании представителей запорожского казачества в Переяславле было покорно принято русское подданство, они стали ревностно нести воинскую охранную службу на юго-западных границах государства российского.

Такие исторические раздумья в прогулочные часы сами собой навещали Лобова. Он собрался было идти на свою Земляничную (уже развернул себя и свои мысли в обратный путь), как увидел невдалеке спускавшегося с берега мужчину. Подошедший оказался парубком лет двадцати, он сразу напористо затеял разговор:

– Третий день здесь барражируешь. Приезжий? Обычно они здесь шляются. Закурить есть?

Внешне паренёк выглядел невзрачно, одет был скромно, в телогрейку-маломерку, с головы свисла на глаза спортивного вида, вылинявшая, грязного цвета шапчонка, а на ногах были розовые резиновые полусапожки, сильно похожие на женские.

– «Беломор» будешь?

– Да мне по барабану.

Он ловкими пальцами фокусника зацепил из угла распечатанной Димкиной пачки сразу три папиросины – одну кинул в свой шербатый рот, другую и третью заткнул у висков за мясистые розовые уши. Прячась спинами от ветра-тягуна с моря, от сырой промозглой прохлады, они поочерёдно прикурили от одной зажжённой спички.

– Ты, похоже, местный...

– Местный, с улицы известной – хихикнул паренёк. – У сестры с мамкой живу. А ты у кого?

– У Сани Прибыляко.

– У Сашко? Во как! Откуда ты взялся?

– Что «во», из Казахстана я.

– Дак, кто дядь Сашу не знает, скажи... Он теп еря важный, бригадиром стал. А раньше босячил будь здоров.

– И чего набосычил? – просто так, без интереса спросил Дмитрий.

– Три года ему влупили – не хочешь? По пьяни расквасил морду участковому. Потом выяснилось, мент на дядь Сашу какое-то дело завёл, а он-то ни при чём! Ну, оправдали, отпустили...

Они шли медленно, не торопясь, и незаметно выбрались на открытый малолесистый берег. Поближе к берегу стояли освещённые последними вечерними лучами солнца крайние колхозные дома.

– Вон-а! Моя хата, с краю. – Парень радостно, дробно хихикая, показал рукой в сторону небольшого дома, двумя торцевыми окнами смотревшего на разливное море, которое у самой кромки еле видимого горизонта в эти часы соприкасалось с темнеющим небом.

Ни этот нагловатый молодой человек, ни начатый им разговор Дмитрию не пришёлся по нраву. «Оттуда, из этих окон, вёл свои наблюдения», – решил он и спросил:

– Тебя звать-то как?

– Борис... Жирный...

– Уже вижу, опух весь!

– Ты чё, ехидничаешь? У меня такая фамилия... польская. Тут все знают.

– Звучит необычно.

– Для вас, москалей, – обиженно и с издёвкой сказал Борька. Потом добавил: – Хошь знать, в нашем роду князь был из шляхтичей, они при королевстве были в привилегиях.

– Отчего ты насупленный на нас, россиян? – возмутился Дмитрий. – Советской властью недоволен?

– А шо вы нам дали? Социализм, который полвека никак не достроим? Вон поляки: живут и в ус не дуют.

– Ага, из кредитов не вылезают, вечно в долгах... Ты в армии служил? – меняя надоевшую тему разговора, спросил Дмитрий.

– А як же, два года отбарабанил! В пермских лесах, на нарах: подъём, отбой, переключка, строевым шагом на работу, с работы, за баландой, в баню.

– Я отслужил срочную, в ракетных войсках.

– С тобой понятно, ты – элита, – не скрывая мужской зависти, сказал Жирный и заторопился: – Давай, ракетчик, прощевай. Мне туда.

Он быстрым шагом пошёл по центральной улице в сторону Дома культуры.

Встреча двух молодых людей оборвалась так же неожиданно, как и началась. Один из них, Дмитрий, внутренне остался недовольным разговором, большей частью – недосказанностью, скомканным содержанием. Такое бывает, когда встречаются люди разнополюсных взглядов, убеждений и в то же время неординарно мыслящих.

Через полчаса Лобов оказался в своей комнате и, охваченный порывом одиночества, сразу уселся за небольшой стол, приставленный к окну, чтобы написать Ярополкову письмо. К такому поступку его давно подталкивали навязчивые ностальгические мысли. И вот решился. Он писал порывисто, торопливо, не задумываясь над содержанием:

«Уважаемый Ярослав Александрович!

Подходит к концу третья неделя моего пребывания на украинской земле, она удивила меня своим необычно тёплым для этого времени года климатом. Здесь живут приветливые, добрые люди.

Приютившие меня родственники всячески отодвигают мою работу, и я вынужденно бездарно, бесполезно провожу дарованные богом дни. После Нового года обещают трудоустроить.

Какие новости у Вас? Если не обременительно, пришлите весточку по адресу, что указан на конверте.

Остаюсь с хорошими воспоминаниями от прошлого общения с Вами и Вашими сотрудниками. Дмитрий».

Перед отходом ко сну к Дмитрию заглянул Сашко и объявил ему:

– Отсыпайся. Завтра спозаранку поедем рыбачить.

...На причале было безлюдно, только слышно, как в туманном холодном пространстве размеренно ровно, прицокивая клапанами, работал движок старенького баркаса. Утренние сонливые волны лениво плескались возле его покатых бортов. Готовый к отплытию небритый капитан стоял в рубке у штурвала с сигаретой в зубах и приветственно махал рукой прибывающим рыбакам-товарищам. Сашко, озябший от встречного мотоциклетного ветра, не задерживаясь, нырнул в будку к капитану и через обзорное лобовое окно взмахами рук позвал к себе Димку. Но тот ответными жестами отверг приглашение, уселся с мужиками на палубные боковые рундуки.

Ему здесь было комфортнее, хотелось побольше побыть в окружении морского безбрежья – он прежде никогда не бывал в такой безоглядной водной стихии. К тому же бригадир экипировал его как надо: поверх меховой куртки напялил прорезиненный плащ с капюшоном, на голову – старую кожаную шапку-ушанку.

– На море, если не двигаться, мигом околеешь, – напутствовал Александр и вдобавок к резиновым болотным сапогам приложил шерстяные носки.

За пеленой берегового тумана скрылась Покровка, из-под пучины морской на восточной стороне горизонта выглянуло жёлто-багровое солнце. Голодные чайки, вечные спутники рыбаков, небольшой стаей молча сопровождали плывущую посудину до зарыбленных сетей, там, они знают, удастся им основательно подкормиться. Холодный воздух обдувал лица невыспавшихся рыбаков, они тоже молчали, лишь большими затылками смаковали сигаретный дым.

– Долго ещё плыть? – спросил Дмитрий рядом сидящего усатого мужика.

– В море, молодой человек, не плывут, в море ходят, – вежливо поправил его бывалый рыбак. – Осталось, может, с милю. Километра полтора, если по земным меркам.

Последнюю морскую милю баркас преодолевал долго и натужно, движок еле слышно ворчливо тархтел, и порой казалось, вот-вот он захлебнётся встречной волной. Но судно, пускай медленно, всё же настырно ползло в сторону восходящего солнца. Наконец, впереди появилась длинная пунктирная цепочка пробковых поплавков, подпрыгивающих на волнистой ряби – так обозначила себя 150-метровая дрейфтерская рыбацкая сеть. Такая сеть дрейфует сама по

себе под воздействием течения воды и направления ветра; эта кормилица находилась в свободном плавании уже без малого сутки. Вдали, еле видимые глазу, на волнах трепыхались поплавки другой, вольноплавающей сети.

Не мешкая, двое мужиков принялись привычно, неторопливо подтаскивать верхнюю подборку сети к правому борту судна. Плечистый бригадир встал посередине, его задача – свести вместе концы нижней подборки с грузилами и вытягивать её на борт. С левой стороны усатый дядька неподвижно удерживал другое крыло напрягшейся сети, и к борту медленно, будто живая, подползала полукругом крупноячеистая сеть. Димке доверили тарные пластиковые корытца, туда носатый капитан, ловко выковыривая из ячеек рыбу, бросал её не глядя, а он относил и складывал затаренную посудину вдоль невысоких бортов.

Рыбаки работали молча, сноровисто, изредка слышны были всплески их восторга или разочарования:

– Гляди, зажабрилась как!?

– Что-то сегодня негусто...

– Попалась, родимая!

– Эта на все шесть кило потянет.

Уже подтащили последние, сложившиеся мотнёй метры, как кто-то глазастый крикнул:

– Стоп, машина! Бутылка болтается!

В самом деле, возле поплавок в ячейке запуталась необъяснимым образом небольшая закупоренная бутылка.

– Смотри, там вроде бумажка. Ей-богу, хлопцы, это новогоднее послание нам! – Подетски обрадованный, бригадир отдал блеснувшую на солнце стеклянную находку Дмитрию: – Ты грамотнее нас, на берегу прочитаешь...

Швартовые концы выкинули у колхозного причала под вечер. По оценке рыбаков улов удался килограммов под двести. Приёмщик придирчиво осмотрел каждую посудину, где лежали хорошего товарного вида сазаны, язи, толстолобики, плотва, взвесил всё добро на больших напольных весах, после чего выписал бригадиру квитанцию.

Тем временем в небольшой щитовой избушке-бытовке и подле неё всюю шла другая коллективная работа: мужики потрошили икрестых сазанов, на дворе пылал костёр, летели искры в небо, а в кипящем казане уже подпрыгивала со дна долго развариваемая перловка. Кто-то чистил репчатый лук, а кто-то старательно сервировал бригадный стол, расставлял под уху эмалированные глубокие чашки, нарезал хлеб, припасённое домашнее сало, колбасу, раскладывал салат из квашеной капусты.

– Пойдём, покажу наглядно, – Сашко взял под руку Димку и уволок во двор, там от булькающего казана во все стороны разлетался дурманящий рыбный аромат.

– Егорыч, луковицу бросил? Укроп? – спросил он усатого крепыша.

– Как положено, Сан Саныч, как учил – две головки. Укроп – минут через пять, под конец кину лаврушку, перец горошком.

– Без картошки варите? – поинтересовался Дима.

– Можно штуки три бросить, но сегодня обойдёмся крупой. Давай пару головок чеснока почистим.

– Для чего так много?

– Для смаку...

Бригадир чеснокодавкой играючи раздавил белёсые зубчики, выложил чесночное крошево в ковшик, обильно насыпал туда чёрного перца, добавил два листка лаврушки, всё доверху залил кипящим рыбным бульоном и плотно накрыл крышкой.

– Нехай трошки потомится...

– Эту процедуру бугор⁶ никому не доверяет, а приправу зовёт «шлюмка», – персонально для Димки сказал усатый.

Он аккуратно подхватил дужку казана и без напряжения понёс парное варево впереди себя в избу, где с порога подал клич: «Налетай, братва!» Отдельно на большой противень дежурный повар выложил три головастых, дымящих белым паром сазана и два язя. До потолка бытовку заполонил запах рыбного варева.

Усатый повар не жалел ухи, щедро лил её черпаком в каждую подставленную чашку, сопровождаемую предупреждением:

– Для чесночной юшки оставь место...

– Где там послание, зачитай, – вспомнил Сашко, обращаясь к Димке.

В предвкушении чего-то необычного, даже загадочного все враз умолкли и скучились возле юноши. Пробка никак не хотела вылезать из насиженного места, крошилась, пришлось выдёргивать штопором. На листке из школьной тетради детским корябистым почерком в самом деле было написано три послания, три просьбы... в никуда и никому. Может, Всевышнему или Деду Морозу... Может, всем людям, всему человечеству. С наивной доверчивостью на лучшее, на доброе дети написали:

«Я хочу, чтоб папа перестал напиваться и буяннить. Чтобы было хорошо всё. Пожалуйста»;

«Я хочу, чтобы у меня было много друзей. И собаку»;

«Я хочу, чтоб никто ни дрался, ни воевал».

От детских слов, от их сокровенных, кричащих желаний у рыбаков запершило в горле, защемило в сердце, у кого-то навернулись скупые слёзы. Скованными, бездвижными они стояли вокруг Димки, не решаясь сдвинуться с места, словно боялись спугнуть хрупкие детские надежды, нацарапанные на тетрадном листке. Грустное мужское замешательство нарушил бригадир:

– Думаю, так надо поступить: письмо закупорить, снова отправить в плавание. Может, судьба его по-другому сложится.

– Верно, Сашко, – наперебой заговорила бригада. – И нам легче станет.

– Мы ж тоже детьми были...

– Пожелаем всем ребятам, чтоб сбывались их мечты.

– Верно, мужики, ведь скоро Новый год!

– Нет, – неожиданно для всех возразил Дмитрий. – Давайте поступим по-другому, отправим детские пожелания в вашу областную газету, уверен, этот листок обязательно напечатают. Глядишь, кто-нибудь из детишек да откликнется. Я напишу сопроводительное письмо в редакцию, расскажу, где нашли бутылку. Попрошу, чтоб детей, если найдутся, пригласили в редакцию, сделали им подарки от Деда Мороза...

– А то, гость Сан Саныча дело говорит.

– И нехай собачку подарят, – подсказал капитан.

– Что ж, на том и порешим, действуй, Димон! – Бригадир одобрительно похлопал своего сметливого гостя по плечу.

Дмитрий сам удивился мгновенно возникшему побуждению – ни в коем случае не оставлять эти детские послания безответными, навеки болтающимися в холодных водах искусственного моря. Что его озарило, что осенило, он не знал. Может, проклюнулось врождённое журналистское чутьё, замешанное на добродетели, на чувстве сострадания? Возможно, побудило мелькнувшее прошлое из своего босоногого детства? В любом случае он остался доволен собой и благодарен рыбакам за поддержку.

В эти трогательные минуты ненадолго, но все позабыли о чесночной юшке. Но как только из приоткрытого ковша в каждую чашку стало попадать ложки две этой приправы, по избушке

---

⁶ Бугор – жаргонное значение слова «бригадир».

тут же волнами покотился укропно-рыбный, чесночно-перцовый запах наваристой, с золотистыми жировыми блестками ухи. Оголодавшая бригада шумно, подтрунивая друг над другом, со вкусом хлебала уху, обглаживала рыбные косточки. Рыбаки громко смеялись от весёлых баек, при этом не забывали разливать по кружкам горилку и нахваливать бригадирскую «шлюмку». Разошлись они по домам, когда солнце полностью скрылось за макушками еле видных холмов и был опорожнен ведёрный казан ухи да выпита вся припасённая на этот случай горилка.

На вопрос заждавшейся хозяйки, как прошла рыбалка, осоловевший от выпитого Дмитрий с задорной шутливостью ответил:

– Впечатлений, Аннушка, пруд пруди. А рыбалка, сказали мужики, не очень задалась... Зато гулянка удалась!

Из обжитой гостевой комнаты вскоре доносилось ровное похрапывание уставшего, переполненного дневными впечатлениями молодого человека.

Буднично, незаметно подкрались новогодние дни, а хозяин дома ни словом, ни намёком не обмолвился о Димкиной работе.

– Ты напрочь забыл, зачем я приехал? Мне надоело болтаться без дела, лодырничать, – не скрывая своего недовольства, за ужином возмутился Дмитрий.

– Был я у дядьки, он занят годовыми отчётами. Займётся тобой после Нового года. Какие-то намётки у него уже есть, – успокаивал его Сашко.

Серое, бесснежное новогоднее настроение скрасила лесная ёлочка-сосёночка, где-то раздобытая Александром: небольшого роста, округло-пушистая, как бы на выданье девица, она и без украшений выглядела красавицей. Но всё равно наряжали её будто невесту, сообщая. Новогодний стол накрывали тоже вместе – весело и дружно. Хозяюшка напекла чесночных пампушек к борщу, не забыла про пышные вергунцы на кефире с мёдом да про картофельный рулет с грибами. Дети принесли с холодной веранды в глубокой миске трясущийся холодец, в глиняном большом кувшине – охлаждённый узвар из сухофруктов и тонко нарезанное, шириной с ладонь, сало, протомлённое в чесночноукропном рассоле.

– Когда успела наготовить, видать, ночами не спала, – подмигивая Анне, заметил повеселевший Дмитрий.

– Без Вареньки вряд ли управилась, – ответно подмигивая, очаровательно улыбаясь, сказала Анна.

– Молодец, Варвара!

Воспрянув от похвалы гостя, девочка воробышком порхала от посудного шкафа к столу, по-хозяйски умело раскладывала персональные столовые приборы. Ей к лицу была обновка – розового цвета блузка, спереди которую слегка заметно приподнимали наливающиеся девичьи груди. Аннушка тоже была празднично одета, в облегчающем её стройную фигуру платье-вышиванке тёмно-синего цвета, с широким пояском, а на икринистых ногах – те же красные сапожки на низком каблучке. Своих мужчин Анна одела в элегантные трикотажные свитера одинакового фасона, но разной расцветки.

– Мои любимые вареники с манкой где? – спохватился Сашко.

– Пельмени, борщ и твои любимые загодя не едят, подадим опосля, – поправила мужа Анна.

– Тогда садимся вечерять, по Москве встретим Новый год. Отсюда вижу: москвичи уже вовсю наливают, разница-то небольшая – всего на час.

В тонюсенькие бокалы он налил игристого полусладкого Советского шампанского, детям – по глотку. Благодарно простились по московскому времени с 1964 годом, затем наступил черёд выпить под бой Кремлёвских курантов с криками «ура!» за наступивший 1965-й по украинскому поясному времени.

По-школьному подняв руку, чтобы ему дали слово, Димка приветственно встал и сказал взволнованно:

– В эту необычную для меня новогоднюю ночь я хочу поблагодарить вас за оказанный мне тёплый приют. Спасибо, сердечно тронут. Хочу пожелать всем вам здоровья во все телесные органы, денег во все карманы и счастья во все углы!

– За такой тост грех не выпить! Дай бог всем добра в Новом году! – Растроганный, Александр одним глотком опрокинул рюмку.

Выбор яств был таким соблазнительным, что хотелось съесть сразу всё, но каждый клал себе в тарелку то, что приглянулось ему в данную минуту. Дмитрий налегал, вполне понятно, на блюда, которые ел давным-давно или вовсе никогда не ел: на холодец, сырные лепёшки, горячий салат с баклажанами и на неведомые крученики. А Сашко, как истинный хохол, уплетал кабачковые оладьи с морковью, картофельный рулет с грибами и нежное, с мясными прожилками сало.

После очередной рюмки водки, выпитой в семейном кругу, Дмитрию захотелось вдруг прогуляться, и он вопросительно у всех спросил:

– А не сходить ли мне до Дома культуры, посмотреть, как у вас народ гуляет?

– Што ж, иди-сходи, дело молодое, – поддержал Сашко. – Чего сидеть-то. Може, девку какую приглядишь.

Димка надел своё серое драповое пальто, нахлобучил на густую шевелюру такого же цвета кепку и выскочил на подмёрзшую ночную улицу, освещённую в этом месте единственным столбовым фонарём. Все ближайшие окна и встречных домов Земляничной светились ярко и празднично: Покровка только что вошла в зенит всенародного веселья. Безоблачное небо было сплошь усыпано мигающими звёздами, они тоже радовались новогоднему обновлению землян.

Впереди перед ним высветилась широкая площадь, где посередине оголённо, сиротливо выделялась безводная фонтанная чаша. Чуть дальше, на перекрёстке двух улиц, возвышался большой четырёхколонный Дом культуры. Снаружи он сверкал разноцветными пунктирными огнями: ими был освещён треугольный фронтон, массивные колонны, по периметру – вся парадная стена. Самодельные гирлянды из крашенных лампочек в 220 в, покрытые древесным лаком вперемежку с разноцветной гуашью, наловчились в то время делать к большим праздникам все советские электрики, так как дефицитных неоновых можно было купить только в Москве или Киеве. Несмотря на это, самodelки сверкали, мигали весело, приветливо и празднично. Оттуда, из парадных дверей, время от времени выскакивала разгорячённая танцами молодёжь налегке, в костюмах, карнавальных нарядах, а кое-кто в масках, чтобы минуточку-другую подышать морозной прохладой, потом снова вернуться в уютный, ослепительно нарядный бальный зал.

В фойе Дмитрий отдал гардеробщику пальто, кепку, прошёл по дубовому паркету в глубь зала и, прислонясь к простенку, стал с любопытством осматриваться вокруг. Был антракт, на подиуме оркестрантов на полу и стульях лежали медные духовые инструменты. Около мраморных колонн женщины и девушки, мужики и парубки стояли отдельно, на небольших пристенных диванах парами сидели молодые люди. Возле ближней колонны, поглядывая с явным интересом на незнакомца, объявившегося в столь поздний час, щебетала стайка нарядно разодетых девушек.

Заиграл оркестр, разливаясь по всему залу, потекла обвораживающая, душещипательная мелодия аргентинского танго «Кумпарсита». Не раздумывая, возбуждённый первыми порывистыми аккордами, Лобов решительно пошёл к этой стайке, где своей броской внешностью выделялась аппетитно-полненькая, с толстой косой девушка. Она тоже бросала искоса в его сторону обнадёживающие, многозначительные взгляды. Помимо завлекательной внешности, девушка магнитом притягивала к себе большими, немного раскосыми глазами, они намёками

выдавали её, быть может, далёкую скифскую родословную. С первыми движениями, изящными па она, кокетливо улыбаясь, представилась Оксаной.

Дмитрий танцевать умел, в этом ему мало кто мог составить конкуренцию. Он с первых минут уверенно повёл в классическом двухтактном шаговом движении податливое тело юной партнёрши. Стоявшие в стороне юноши и девушки завистливо смотрели на эту грациозно танцующую пару. Оксана оказалась послушной и подвижной, на лету угадывала импровизированные движения Дмитрия, не сбиваясь с музыкального такта, следовала за ним.

Оркестр взял небольшую дыхательную паузу. Провожая девушку на прежнее место, уха-жёр с надеждой спросил:

– Следующий танец мой?

В ответ, улыбнувшись, Оксана жеманно пожалала оголённым плечиком... В зале сплошной стеной стоял возбуждённо-говорливый гул захмелевшей публики. И тут внезапно, словно из подворотни, к Димке кузнечиком подскочил в лёгком подпитии Борька Жирный. Он был при галстуке, в хорошем, в полоску костюме, выглядел сытым, довольным жизнью и элегантным.

– Привет, казахстанец! – не подав руки для рукопожатия, поздоровался он. – Отдыхаешь? Ты это... – Двумя пальцами Жирный прихватил лацкан Диминого пиджака, слегка подтянул к себе и продолжил: – От Оксанки отвали.

– В чём дело, Боря?

– Так сказал Лохматый. Смотри, кабы больно не было.

Жирный незримо растворился среди разноцветной публики, как будто его и не было, а Димка призадумался: Оксана явно расположена к нему, это точно. Упускать из рук жар-птицу было бы малодушно с его стороны. Да к тому же почему он должен перед кем-то услужливо выглядеть, кому-то угождать, отступать от намеченного? Нет, не бывать этому, и, когда музыканты заиграли вальс, намеренно пошёл к девушке. Оксана снова с покорной улыбкой, не скрывающей перед подружками женского тщеславного превосходства, охотно пошла за приглянувшимся кавалером к центру бального зала. Вальсируя между колонн, он спросил её:

– А кем будет тебе Лохматый?

– Та ну йго! Причепився як репей, мочи нет, – с оттенком досады, распевно растягивая слова, отвечала жгучая казачка. И следом спросила, пытливо всматриваясь снизу в Димкины глаза: – А вы не боитесь?

– Теперь не боюсь...

Они кружились в вихре вальса и беспечно болтали, временами беспричинно смеялись. Со стороны было очевидно, что парочка определённо симпатизирует друг другу и своих юношеских нахлынувших сердечных чувств скрывать не собирается. В таком радостном упоении долго быть им не довелось: почему-то преждевременно затихла музыка. Кавалер любезно поблагодарил девушку за проявленное к нему благосклонное внимание и отправился в гардеробную. В какую-то секунду на Дмитрия набросилась хандра, безразличие ко всему происходящему вокруг. Ему вдруг стало скучно, одиноко и неинтересно находиться здесь среди чужих, незнакомых людей. К тому же в закромах его души проклюнулись нотки необъяснимой тревоги. На выходе из фойе глянул на большие настенные циферблатные часы, они показывали половину второго ночи.

Сокращая себе путь, не спеша двинулся к центральной улице по затемнённой проулку, и уже на выходе его мгновенно и оглушительно ослепили со всех сторон карманными фонарями какие-то люди. Он ничего не видел: ни лиц, ни звёздного неба, ни домов – перед ним возникла невидимая режущая глаза белая пелена. Вокруг слышно было лишь натужное прерывистое сопение. «Так дышат, – подумал Димка, – после быстрого бега».

– Ну що, москаль, натанцувався?

Димка поднял правую руку, чтобы отвести от невидящих глаз слепящие фонари, как тут же сверху получил по ней страшной силы удар.

- Да врежь ему, Моха! – кто-то крикнул визгливо.
- Що, наши дивки краше ваших? – допытывался всё тот же голос.
- Есть покраше...

Сколько пролежал навзничь в своём модном драповом пальто на январской украинской земле, Димка не знал. Когда открыл глаза и увидел над собой малозвёздное предутреннее небо, безнадежно спросил себя или у кого-то: «Где я? Кто я?..» Какое-то время он продолжал неподвижно лежать, пытаясь понять, что с ним произошло, когда и почему. Он не знал, не помнил, куда, к кому и зачем шёл, и где, в каком городе находится.

Опершись об забор, присел, случайно нащупал ледяными пальцами на замёрзшей, хрусткой траве кепку, надел её и увидел впереди огни вроде бы знакомой улицы. Болели бока, ноющей болью сводило куда-то в сторону онемевшие скулы, в голове беспрестанно гудело, свистело, звенело. Напрягая силы, он поднял своё избитое тело от земли и пошёл, куда глаза глядят...

На еле слышный дверной стук чутко отозвалась Анна, она выскочила на веранду в ночнушке, на ходу окутывая себя широкой шалью, и, увидев Димку, запричитала:

- Що же вони зробили, господи...

Она отвела окровавленного Дон Жуана в спальню. На суматошную возню вышел заспанный Александр. Спокойно, но быстро оценив ситуацию, он резюмировал:

– Угостили кастетом, два раза: здесь касательно снесли кожу, кулаком такое не сделать, а здесь был прямой удар. Кто тебя ухайдокал, запомнил?

– Не знаю. Ничего не помню. Очнулся у забора, – беспомощно пытаюсь хоть что-нибудь вспомнить, честно признавался Дмитрий.

Все раны и ссадины обработали найденными в аптечке медицинскими мазями, антисептиками, залепили пластырем, напоили бедолагу чаем со сливками и, укутав одеялом, уложили в кровать. Он никак не мог уснуть, снова пытался вспомнить, что же явилось первопричиной ночного происшествия. Где-то в подсознании фотоаппаратной вспышкой мелькнуло слово «Моха»... Что такое «Моха»?.. От переохлаждения тело пробирала неудержимая дрожь, поджатые холодные ноги не согревались, волнами накатывал озноб. Стёганое одеяло казалось дырявым, не держало тепло, и только через долгое время накопило его достаточно, чтобы телесная дрожь, наконец, отступила. Потом его сознание сонным положом постепенно накрыла сладостная дремота, перешедшая в забытьё.

В плену беспробудного сна его долго держали причудливые видения. Откуда-то перед ним возникла ледяная чаша фонтана, из неё столбовыми всполохами вместе с водой в поднебесье, до еле видимых планет, взлетали разноцветные фееричные огни. За фонтаном возвышался огромный ледяной дворец без окон и дверей, в сердцевине которого медленно вращалась хрустальной красоты и потолочной высоты разлапистая ёлка. С её левой стороны завлекательно и ослепительно улыбаясь, в нарядном серебряном платье с вышиванками и с глубоким роскошным декольте, выглядывала раскосая Оксана.

В другой, затенённой стороне, с дымящей «Беломориной» в зубах, сидел в королевском кресле щербатый польский шлях Борька Жирный. На голове у него красовалась в бриллиантовых и других дорогих камнях украденная предками-поляками в Смутное время из Московского Кремля знаменитая шапка Мономаха. Своими бесцветными змеиными глазами поляк ослепил Димку, дружески похлопал сухожильной рукой по плечу и сказал: «От всего социалистического лагеря, польского народа и от меня лично прими, москаль, наш новогодний подарок». После приветственных слов он с любовью, по-братски плюнул Лобову в лицо обжигающей ядовитой жидкостью и заорал на всю звёздную, бесконечную вселенную: «Всех москалей на вилы! Геть з вильной Украйны!»

Свора дюжих хлопцев в красных шароварах и красивых полушубках с булавами наперевес вихрем залетела в Димкину спальню, скрутила за спину его онемевшие руки, улюлюкая, потащила голого москаля неведомо куда по ледяной братской украинской земле.

От этих сновидений он проснулся в холодном поту.

На третий день заживления ран и ссадин Александр принёс ему письмо:

– Вот, читай депешу, вчера ночью подкинули.

«Здравствуй, Саня, пишет тебе знаешь кто, – писал неизвестный доброжелатель. – Твоё гостя во втором часу ночи вырубил с пацанами Гришка, сын Любки Лохматюк. Ты эту сучку должен знать. Напротив дома было. Они оттащили парня твоего и бросили у забора. Что было потом, низнаю».

– Теперь мне понятно из-за чего этот сыр-бор, – сказал Дмитрий.

И странный сон, и письмо-подкидыш помогли ему одновременно воскресить всю криминальную фабулу той, по его определению, трагикомичной новогодней ночи. Но на доньшке души всё же остался след ранимой обиды за всё случившееся, ведь в той событийной нелепице он оказался в итоге потерпевшим ни за что ни про что.

Угадывая его невесёлые мысли, умудрённый Сашко успокоительно изрёк:

– Сказано было когда-то: со своим уставом в чужой монастырь не ходят. Дело-то молодое, всяко бывает. Вижу, ты вроде оклемался. К выходному вернись, готовься, поедем к дядьке. С Гришкой, как надо, я перетолкую.

– Куда собрался?

– В Никополь посылают, за новым движком для баркаса. Вместе с капитаном.

Тем же днём хозяин уехал, а поздно вечером, как повелось, перед сном к Димке пришла Анна, чтобы соблюсти медицинские процедуры. На этот раз она бесцеремонно, слегка развязно под села на край кровати и, немного прижав его своим горячим пышным задом, предложила:

– Баньку хочешь принять? Я натопила. Полечимся потом.

– Пожалуй, можно, – неуверенно ответил Димка, разглядывая с интересом и любопытством ласково-приветливую хозяйку.

За долгое, месячное пребывание в этом доме он не раз отмечал про себя её особое, заботливое к нему отношение, по большей части тогда, когда отсутствовал Александр. И в эти минуты её внимание, не зная почему, воспринималось им как чрезмерное и навязчивое.

В парилке, как всегда, стоял плотно насыщенный, приятный для тела температурный жар. После недолгого прогрева на верхней полке Дмитрий взял запаренный кипятком веник, хотел поддать парку – из ковша плеснуть на каменку разбавленную квасом воду, – как его с ног до головы охватила оторопь: в проёме двери стояла с распущенными, ниспадающими на её беломраморные бёдра волосами, в чём мать родила, хозяйка Анна. Смущённо улыбаясь, она робко попросилась:

– Можно, и я погреюсь?

Никогда в жизни Дмитрий не видал и не знал, как выглядит голая, в расцвете молодых сил женщина. В Московке, в полузабытом детстве, его всегда брала с собой в баню сестра Тоня, отмывала добела его и Валу, уносила их укутанных в хату к матери, а потом занималась собой. Так продолжалось до тех пор, пока он, повзрослевший, ползая возле ног голых девчонок, не поинтересовался, указывая пальцем на загадочные девичьи промежности, что это такое... Кроме подражательских киношных поцелуев ни с кем из девчонок у него не было интимных телесных совокуплений – ни до, ни во время службы в армии, ни после. Он был девственником.

Крайне растерянный, в сильном душевном замешательстве, с минуту смотрел на неё заворожённо, не в силах что-нибудь сказать. В этот час явилась ему (не во сне, наяву!) зрелая красивая женщина, вызывающе выставив напоказ свои похотливые желания, а он, как юное

дитя, не знал, что ему делать, как поступить в этой заманчиво-щекотливой ситуации. Куда спрятаться от сексуального соблазна? Как совладать с собой? И в силах ли молодому человеку это сделать? Он безвыходно запутался в своих мыслях. Однако, к удивлению своему, словно давно решённое, произнёс:

– Тебе лучше уйти. Мне перед Александром будет непрослительно, предательски...

– Не думай об этом. Ты в начале жизни. Я потеряла голову, не сплю из-за тебя ночами.

Весь грех на мне, иначе не могу.

После этих бессвязных, путаных слов Дмитрий понял: да она же пьяна! Эта догадка в мгновение вызвала неприязнь к ней.

– Уходи! – обозлённо выкрикнул он, отвернулся и залпом опрокинул на раскалённую каменку полный ковш квасного настоя.

Сквозь шипенье и хлопки водяных паров послышался отчаянный, осуждающий, как проклятье, крик обиженной и униженной женщины:

– Размазня-я!

...Долгожданный визит к Андрею Николаевичу и его супруге Надежде Игнатьевне выпал на рождественские святки. Издревле у христиан всех конфессий эти святые дни сердечно почитаемы, празднуются весельем, всенародным прославлением Христа, массовыми семейными гуляниями, колядками. Дабы не беспокоить родственников в ранние часы воскресного дня, Димка с Александром на драндулете «Ковровец» подкатили к дому дядьки почти бесшумно после полудня. В окружении голых садовых яблонь, груш, вишен дом внешне выглядел небольшим, вокруг ухоженным, опрятно побелённым. Такие похожие друг на друга саманные частные дома дешёвой послевоенной постройки виднелись окрест и далее по холмистым местам – это был пригород уютного марганцево-рудного городка N.

Притулив своего безотказного «ослика» к забору, Александр через открытую калитку пошёл по утрамбованной песочной дорожке к дому, за ним вдогонку потянулся Дмитрий. Из прихожей, где сняли промокшую обувь (наконец-то на Рождество Христово выпал липучий первый снег!) и верхнюю одежду, они сразу попали на кухню. В нарядном платье, поверх которого был пристёгнут яркий вышиванный фартук, радостно улыбаясь, их встретила сама хозяйка. Неожиданно для всех, даже для себя, но прежде перекрестившись, Димка бойко, как когда-то учила мать в Московке, озвучил незабытую колядку:

Сеем, веем, посеваем,
С Рождеством вас поздравляем!
Вы Христа прославляйте,
И угощенье нам давайте!

– Вот молодец, славно поколядовал, – похвалила Надежда Игнатьевна и подала ему сахаристый, недавно испечённый крендель. – Проходите, гости дорогие, ласково просимо! С Рождеством Христовым вас! Заходите в зал.

Она говорила приветливо, обрадованно. И почтительно, по старинному обычаю, поклонилась до пояса. Через занавешенный драпированной тканью дверной проём в зале проглядывался празднично накрытый яствами стол, в торце его сидел дядюшка Андрей Николаевич. Ростом он был под стать племяннику, только в плечах поуже и лицом худее, и одет был неброско: в спортивных брюках, байковой в клетку рубаше.

– Надежда Игнатьевна, дядь Андрей, вот вам наше рождественское угощение. – Александр бережно, двумя руками преподнёс им бумажный свёрток.

– Ты с пустыми руками не приходишь. Знаю, там хорошая рыбка. – Дядька смачно обнюхал отдающий копчёностями подарок.

В последнее время в этом доме редко бывали гости, шумное застолье обходило его стороной по вполне объяснимой причине: бог наделил эту семейную пару одним-единственным сыном Сергеем. После окончания Липецкого лётного военного училища он девятый год на своём самолёте-истребителе охранял воздушные рубежи на Дальнем Востоке. Сергею удалось всего два раза навестить родителей. Он привозил на показ двух забавных девочек-школьниц, гостил недолго, затем с семьёй безвозвратно улетал куда-то на Чёрное море, и в доме опять наступала холодная, скованная тишина.

С тех пор они осиротели и всегда были рады приезду племянника.

– Михаил как поживает? Трудится? – разливая рубиновую наливку по пузатым рюмкам, спросил дядюшка.

– Шоферит.

– Приезжал как-то лет семь назад, хвалился своей жинкой, дочкой, Лариса, кажется...

– Дядь Андрей, а мне? – обойдённый вниманием, с досадой спросил племянник.

– Ты же за рулём.

– Дядь Андрей, такой праздник!.. Мне что, не впервой: огородами, просёлками – и я дома.

Андрей Николаевич, добрая душа, не жалеючи налил ему полную рюмку, но предупредил: не больше трёх, мол, «бог любит троицу».

– Ну, товарищи православные, с праздником, с днём рождения Христа! Счастья, удачи, здоровья вам, особо тебе, матушка, – душевно, немного по-церковному благословил всех хозяин.

– С Рождеством Христовым, храни всех Господь! – пригубив свою наливку, отозвалась сердобольная Игнатъевна.

Привстав, она обратилась к иконному переднему углу и троекратно с поклоном перекрестилась.

Димка видел, с каким блаженным усердием крестится Игнатъевна и растроганно вспомнил свою мать. Она, стоя на коленях перед образом Богородицы, тоже славилла Бога долгими деревенскими вечерами, милосердно просила ЕГО оградить мужа и старшего сына Ивана в военное невзгодье от вражьей напасти. Да все славяне издревле веками веровали в Господа Бога, в трудную минуту искали у Всевышнего защиты, покровительства. Этой неистребимой божественной верой была пронизана вся жизнь христианина – с рождения и до смертельного часа. Но в 1917 году в дома православных пришла страшная беда. Дорвавшись кровавым путём до власти, большевики-дебилы подняли на дыбы православную Русь, озверело слева направо принялись рушить храмовые святыни, архитектурное церковное великолепие по-свински превратили в склады, овощехранилища, клубы. Были бесстыдно поруганы и святыне библейские постулаты, веками прославлявшие в человеке благородство, добро, милосердие: не убий, не прелюбодействуй, не кради, почитай отца твоего и мать твою... Цивилизованные вандалы остервенело и безнаказанно глумились над чувствами боговерующих.

Воистину божественная сила заключена в православной вере, коли её уже более полувека калёным железом вытравливали из христианских душ идеологи-коммунисты – и всё без толку. Народ русский, несмотря на гонения, осквернение религиозных святынь (только в хрущёвское девятилетнее безбожное правление нехристи порушили, закрыли 8 тысяч церквей), все славяне, все христиане огромной Советской страны не предали ЕГО, не отвернулись от НЕГО – своего спасителя.

Наоборот, всеми своими бесовскими антирелигиозными действиями, призывами («Религия – опиум для народа!») коммунисты ещё сильнее цементировали православное сознание у верующих России, Украины, Белоруссии, Молдавии, Грузии, Армении – среди всех христиан, населяющих бескрайние просторы Советского Союза.

– Как тебе тётъ-Надина наливочка? – допытывался тем временем у Димки Александр.

– Крепка и приятна, и водки не надо.

Игнатъевна то и дело как бы незаметно подсовывала далёкому гостю что-нибудь из домашних разносолов. Не скрывая своих симпатий, она любовалась им так, будто перед ней сидел её Серёжа.

– Ты к нам надолго прибыл? – поинтересовался, в свою очередь, дядька.

– Как карта ляжет.

– Что, картишками балуешься?

– Нет, так обычно при случае говорят.

– Уж кто балуется, так это ты. Дима, каждую субботу у него с друзьями баня, а потом этот чёртов преферанс начинается. Бывает, играют до утра. – Игнатъевна по-семейному, с нотками жалобы, добродушно и доверчиво раскрывала Лобову увлечения мужа.

– Картами не увлекаюсь, но знаю, что преферанс – самая затяжная денежная игра.

– Молодец, и славненько, – похвалил дядька. Он в некоторой задумчивости снова налил в рюмку сладкую, обжигающе терпкую наливку. – Ты коммунист?

– Да, в армии вступил в партию.

– Вот и славненько, нам позарез нужны кадры из молодых коммунистов. Партия сейчас, при Брежневке, делает ставку на вас, молодых. Поэтому с кем надо из нашего городского комитета партии я обговорил твою кандидатуру на перспективу. Но для начала, мне подсказали, тебе надо хотя бы полгода поработать на нашем предприятии, как говорится, надо засветиться. Потом сделаем тебя освобождённым секретарём комитета комсомола комбината, а там, глядишь, освободится место первого секретаря городского комитета комсомола. Вижу, парень ты смышлённый, потянешь эту лямку. Ну, за будущие успехи! – Запрокинув голову, Николаевич удовлетворённо, с причмокиванием опорожнил рюмку.

– Хороший гост, – одобрила Игнатъевна. – Но сейчас-то, Андрюша, куда надумал его определить?

– Сашка, помнится, говорил, у тебя есть шофёрские права.

– Так точно, три года водил военную спецмашину, – по-армейски отчеканил Дмитрий.

– Вот и славненько, для начала поработаешь в нашей автобазе.

– Андрюша, – снова вступила в разговор Игнатъевна, – из Покровки до автобазы добираться, сам знаешь, далековато, не с руки. Може, нехай у нас побуде, покуда устроится. И нам веселее...

– И то, мать, правда! – будто поджидая этой подсказки, вмиг согласился Андрей Николаевич. – Вон Серёжкина комната пустует, занимай, живи, а там видно будет...

В ночной темноте, просёлочными дорогами, минуя автотрассу, довольные итогами поездки, загостившиеся друзья благополучно добрались до своего жилища. В доме, вспоминая визит к дяде, Сашко обобщил:

– По Сергею они страдают. Мне порой так жалко их. Дядька – тот на работе погружается в свои дела, а диабетчице Игнатъевне дома одной каково? Летом ладно, сад-огород, а зимой?

Я знал, за тебя они зацепятся. Не забудь свои шмотки собрать, документы.

– И куда теперь? – озабоченно поинтересовалась вошедшая с улицы Анна.

– Первое время порулит, шофёром будет, к дядьке на поселение завтра отвезу. Хватит, наквартировался тут, – уже шутиливо подытожил Сашко.

– Оно, конечно, тамо поближе буде, – покорно согласилась Анна.

Димке самому хотелось побыстрее уехать из этого дома, где на него постоянно в последнее время совестливо давила та ночная сцена, в которой до сих пор не мог разобраться, кто прав, кто виноват. И хотя винить себя ему было не за что, осадок горечи от драматичности события всё же остался – оттого, что не поддался искушению, или потому, что телесному порыву женщины надо было отдаться безоговорочно и послушно. В любом случае, перед Александром, а это было главное всего, он чувствовал себя, как и прежде, морально безущербным.

В тот день он благодарил судьбу: она снова оказалась благосклонной, предоставив ему приют у одиноких пожилых людей...

Автобаза являлась для дядькиного горно-обогатительного комбината (ГОКа) важным, крупным вспомогательным транспортным подразделением, располагающим большегрузными самосвалами (БелАЗ, КраЗ, МАЗ), а также спецтехникой: бульдозерами, автокранами, автобусами и непревзойдёнными, мирового класса шагающими экскаваторами, которыми восхищались даже специально командированные сюда американские инженеры. Таких аналогов в мире не сыскать. Шагающий гигант высотой с пятиэтажный дом, 90-метровой стрелой своим ковшом за один раз загребал 15 м³ рудной породы. На этом

марганцевом производстве трудились семь тысяч человек, они за год добывали более семи миллионов тонн драгоценной марганцевой руды для металлургической промышленности Советского Союза. С этой огромной рабочей семьёй и предстояло сродниться Дмитрию.

В автобазовской конторе главного механика он поймал в коридоре, и тот на ходу допытывался:

- Сколько годков?
- Двадцать четыре будет.
- Когда и где водил машину?
- Два года назад, в армии.

Маленький, толстенький механик от быстрой ходьбы шумно сопел, оценивающе сверлящими глазами посмотрел на кандидата и на кадровом листке-направлении в уголке нацарапал свою резолюцию: «После ремонта – на автобус».

– К бригадиру, в ремонтный бокс, – по-военному отрывисто распорядился он.

Чувство досады моментально охватило Лобова, такого поворота событий он никак не предполагал: неужели Андрею Николаевичу безразлично, когда и на чём он будет работать? Какой бокс? Какой ремонт? Как минимум, он рассчитывал сразу сесть за руль исправной хорошей машины. Раздражённый распоряжением механика, он рывком открыл замасленную дверь бытовки ремонтников и увидел за длинным клеёнчатым столом надрывно давящихся от смеха мужиков. В свой обеденный час они играли в домино.

– А вот ещё из свеженького, – продолжал говорить между игровыми паузами дядька с волосатыми руками. – Звонит женщина. «Алло, у телефона Нина Петровна...» – «Простите, пожалуйста, пригласите Никиту Сергеевича, я его сокурсница». —

«Потаскуха ты, а не сокурсница. Он у меня нигде не учился!» Мужики опять ухватились за животы.

– Как только вытурили «кукурузника» из Кремля, предложили ему возглавить онкологический центр. Он ни в какую, – подхватил анекдотную эстафетную палочку белобрысый парень. – «Я же в этом ничего не понимаю!» – «Вы руководили сельским хозяйством?» – «Было дело», – отвечает. «Тогда и хлеба в стране не стало. Займётесь онкологией, может, и рака не станет». Что там у тебя? – пока мужики хохотали, обратился он к Димке. Прочитал протянутую ему бумажку и сказал: – Понятно. Погодь трошки.

– Совсем недавний случай, – начал третий рассказчик. – Приезжает Никита на завод пообщаться с рабочими. «Мы, товарищи, – говорит, – скоро не только догоним, но и перегоним Америку по мясу, молоку, яйцам и, возможно, по зерну». Голос из толпы: «Догнать Америку, Никита Сергеевич, мы согласны. Только перегонять не надо». – «Это почему же?» – удивился Никита. «А голый зад видно будет...» Ремонтники снова дружно заржали.

Прошло больше трёх месяцев после смены кремлёвской власти, когда был осуждён хрущёвский волюнтаризм и его культ-личностное прожектёрство, а по необъятному Союзу, по самым глухим его закоулкам, по-прежнему бродили «хрущёвские» анекдоты. Они являлись для прогрессивно мыслящих людей отдушиной свободомыслия, способом осуждения и высме-

ивания головоотяпного коммунистического правления страной. Свидетелем такого показательного момента как раз оказался Дмитрий.

– Всё, мужики, по коням! – скомандовал белообрый об окончании перерыва и взял под руку Дмитрия. Это был Виталий – бригадир ремонтного цеха, где залечивали разные технические болячки восемь разномоделных машин. Он подробно объяснил: – Пойдёшь по цеху, пятая ремонтная яма – твоя. Там автобус с поднятым задом. И Грицько второй день колуается – тебе в помощники. Вначале в инструменталке получи спецовку, мыло. Тётя Катя всё, что надо, выдаст. Какие возникнут вопросы – к механику цеха Вячеславу Герасимовичу или ко мне.

Облачившись в комбинезон, без мотивации и настроения, Лобов прыгнул в холодную, вонючую смотровую яму, дно и стены которой были насквозь пропитаны бензином, соляркой, отработанными маслами. Там же накоротке познакомился с напарником, он тоже был в комбинезоне, только изрядно испачканном мазутом, смолянистой пылью и бог знает чем ещё.

– С чего начнём? – деловито, с холодным безразличием спросил Дмитрий.

– С заду...

– Какого заду?

Грицько, непонятно почему, сразу начал его раздражать. В эту минуту он готов был бросить всё, уехать, убежать обратно в свой Казахстан; на кой чёрт припёрся сюда, гайки крутить и там за копейки захомутали бы. Он ругал себя на чём свет стоит, был в растерянности оттого, что ни разу ремонтом машин не занимался, за руль после армии не садился, теоретическую часть по устройству автомобиля подзабыл и что сейчас надо делать там, в этом «заду», не знал.

– Заднего ведущего моста, – терпеливо пояснил напарник.

Годками, пожалуй, они были ровня. К счастью, Грицько оказался смышлёным, опытным слесарем с хорошими практическими навыками. Уловив в словах и движениях Дмитрия робость и неуверенность, он продолжал терпеливо вводить новичка в курс дефектных работ.

– Там шестерёнки надо поменять, механик сказал. И в коробку передач велел заглянуть, масло заменить. Ты кардан отсоедини, я колёсами займусь. Вишь, я поддомкратил, на колодки поставил зад автобусный...

– С какого бодуна он решил «менять»? – не унимался Дмитрий.

– Когда в движении, на скорости мост «гудит», значит, там поломка, в хвостовике или редукторе, – поучительно объяснял Грицько.

Почти полчаса Лобов усердно, яростно пытался вывернуть карданные болты, но они никак ему не поддавались. «Бляха-муха, прикипели, что ли, ни туда, ни сюда!» – досадливо выругался Димка.

– Ты куда крутишь-то? – снова вмешался Гришка.

– Куда надо, влево...

– Дима, тама левая затяжная резьба. Забыл? Вон керосинка, возьми, прысни поверх болтов несколько капель, как по маслу вылезут.

Через несколько минут, в самом деле, без особых усилий вывернул все неподатливые заржавевшие болты. С таким знающим, многоумеющим помощником Дмитрий к концу смены осмелел, повеселел и подобрел к Григорию. Известное дело: знания, наработанный опыт всегда прибавляют человеку моральных и духовных сил, делают его жизненно стойким.

На четвёртый день ремонта, под конец рабочей недели, они устранили все неисправности, поломки, указанные в дефектной ведомости, и доложили механику ремонтного цеха, на что Герасимович отвечал похвалой:

– Молодцы, хлопцы! Теперь с часик погоняйте свой агрегат вокруг цеха, проверьте в деле.

В шофёрские трудовые будни Лобов вписался без раздумий охотно, влез по самые уши: вставал с утренней зарёй, пешком по пустынным улицам шёл в автобусный парк, заводил своего старенького, но подновлённого пазика и выезжал на городской маршрут собирать рабо-

чих, инженеров, служащих, чтобы к восьми утра доставить их на рабочие места в загородный карьер, где круглосуточно добывалась руда. В дневное время, как заведённый, развозил конторских – кассиров, бухгалтеров, других мелких чиновников по их неотложным служебным делам. Вечером, забрав отработавшую смену в карьере, отвозил мужиков и баб по городским, обусловленным местам проживания. В таком насыщенном заботами ритме мигом пролетели две трудовые недели.

В выходной день, словно подарок, приехал его навестить Сашко.

– Как ты здесь, обжился? – с порога начал пытаться Александр. – А где дядюшка с Игнатьевой?

– К друзьям ушли, на день рождения.

– Хорошее дело – в гости ходить. Вот вам немножко рыбы, а тебе заодно привёз письмо телевизорное. Вчера пришло.

– Ух ты! – Дмитрий соскочил с дивана. – От Ярополова, как пить дать...

Он нервно, торопливо начал вскрывать знакомый фирменный конверт. В нём на самом деле была весточка от Ярополова.

«Здравствуй, Дмитрий! – читал вслух взволнованный Лобов. – Хочу удивить тебя заманчивым предложением, от которого, надеюсь, не откажешься. У нас появилась вакансия редактора: Ираида Дронова ушла в декретный отпуск. Человек она обеспеченный, муж – главный инженер свинцово-цинкового комбината, и на работу вернётся не скоро.

Тебе, пролетарию, терять, кроме цепей, нечего, поэтому бросай всё и приезжай. С директором телестудии твою кандидатуру мы обсудили основательно. Если хочешь связать свою судьбу с тележурналистикой, непусти этот единственный, возможно, последний, шанс.

С уважением, Ярослав».

На некоторое время в комнате повисла напряжённая, тягучая тишина. В голове Лобова засверкали, заворошились вопрошающие мысли, на них невозможно было сразу дать конкретные, вразумительные ответы. В озадаченной растерянности от услышанного находился в эти минуты и Александр. Он тоже не в силах был сказать что-нибудь определённое. Вопросы всплывали сами собой, дилеммой складывались в логическую цепочку из возникшей ситуации.

Например, если принять вызов, ехать надо немедленно, но где взять столько денег? Уехать, отказаться от заманчивых перспектив Андрея Николаевича, порушить возникшую привязанность к нему пожилых супругов? Это по меньшей мере с его стороны было бы неблагодарно. Здешнее комсомольское будущее пока тоже виделось эфемерно-туманным, оно могло оказаться по разным причинам совсем несбыточным. А как сложится судьба там, на телевидении, где единственное моральное подспорье можно будет найти только в лице Ярополова? Хватит ли ему, недоучке, сил работать, творить наравне с журналистами-профессионалами?

– Ну, шо надумав? Тебе решать, детина. – Александр попытался перевести в шутивную украинскую оболочку возникшую проблему.

– Голова кругом... Как поступить, не знаю. – В это время на потерянного, вконец растерянного Дмитрия жалко было смотреть. – Может, подстраховаться надо, ведь письмо шло пять дней. За это время в телестудии могло что угодно произойти.

– Верно, – поддержал Сашко, – наобум срываться опасно.

– Я позвоню Ярополову сегодня же. Телефон у меня сохранился. О письме пока хозяевам сообщать не будем.

– Хорошо, – согласился Сашко, – действуй. Давай по пути закину тебя на междугородку.

– Гляжу, след мотоциклетный, значит, был Сашко, – сказал весёлый дядя, возвратившийся из гостей.

Накануне ночью второй раз с начала зимы обильно выпал снег, и везде были видны следы даже мелких городских пернатых птиц. Как-то сразу Димку вдруг настигла обнадёживающая

мысль: пока Андрей Николаевич под хмельком, удобный случай показать ему письмо, посвятить, ввести в курс дела. Он обязательно поймёт и раскошелится.

– Приезжал, рыбку вам свежую в кладовке оставил. А мне подарок сделал, привёз письмо, – не удержавшись, признался казахстанец.

– Что за письмо? – заинтересовался дядя.

И Дмитрий поведал своим обрётённым родственникам, как он породнился с телевидением, как ему хочется вернуться назад, в Усть-Каменск. Протрезвевший на глазах Андрей Николаевич с нескрываемым сожалением и досадой сказал:

– Однако крепко сосватала тебя журналистика, и у нас, уверен, тебе было бы неплохо. Что ж, поезжай, испытай судьбу. Деньгами, сколько надо, поможем. Заработаешь – отдашь. Как ты, Игнатьевна, скажешь?

– Как же не помочь, он нам теперь родным стал. Пускай едет с Богом...

Эти грустные прощальные слова Игнатьевна произнесла, не скрывая и не смахивая с глаз материнские навернувшиеся слёзы.

III. Порushенные надежды

Возвращаться домой, на родину, и волнительно, и радостно, и приятно вдвойне, если тебя ждут родные, близкие люди и друзья. С чувством востребованности на новом поприще, эмоционально переполненный надеждами и планами, Лобов летел из украинского Днепропетровска в Москву, где транзитом предстояло ему пересест на другой самолёт, – курсом на Восточный Казахстан. В те минуты, когда он выбирался из Домодедово и мысленно выстраивал планы на перспективу, пылко желая начать свою жизнь заново, с чистого листа, в директорский кабинет областной телестудии вошёл раздражённый Владимир Сергеевич Минеев и в ультимативной форме с ходу высказал Богатырскому своё недовольство:

– Фёдор Антонович, вы меня удивляете: зачем здесь я, ежели вы определяете, кого принимать на редакторскую должность? Это же моя прерогатива – подыскивать опытных сотрудников. Вы же ставите...

– Утомись, не горячись, давай по порядку, – сразу и не без раздражения в голосе осадил главного редактора директор. – Эта вакансия пустует у нас сколько? Считай, месяц. А ты спохватился только что, будто не знал. Ярополов мне все пороги обил, продвигая этого молодого человека.

Главный воспринял аргументы директора болезненно. Он отрешённо вскочил со стула и стал ходить туда-сюда вдоль кабинета, то приближаясь к сидящему в торце стола Богатырскому, то отдаляясь от него, как маятник. Он догадывался, кто обвёл его вокруг пальца: конечно, Ярополов, партийный секретариш-ка, с которым у него сложились сугубо деловые отношения. На вакантное место Минеев гарантированно обещал посадить своего однокашника по уральскому журфаку Семёна Редько, и вот незадача.

– Да не мельтеши ты мотыльком над лампой, сядь, поостынь, – досадливо морщился Фёдор Антонович. Плохое настроение с утра на него находило нередко, в таких случаях за кулисами или дверями сотрудники меж собой гадали: это у него опять возрастное, артериальное или следствие очередного похмельного синдрома? – Кстати, я почему на стороне Ярополова? Парня он растит перспективного. А ты опять норовишь подсунуть мне газетчика, его тоже с нуля придётся обучать нашей специфике. Припоминай, ты сам мне нахваливал этого Лобова.

– Согласен, задатки у него хорошие, но нет образования, за плечами -десятилетка, – доказательно продолжал упорствовать Минеев.

– Владимир Сергеевич, вопрос закрыт. Ты же наперёд меня должен знать: в нашем деле главное не образование, а дарование, – осерчавши, директор снова категорично осадил своего коллегу. – Лобов уже в пути, завтра выйдет на работу.

В журналистском деле Богатырский, можно сказать, собаку съел: до войны некоторое время учительствовал, потом, как партийца, его послали в областную газету в порядке кадрового подкрепления; в войну мотался по окопам и блиндажам в звании корреспондента прифронтной армейской газеты, несколько раз ходил в атаку. Имел лёгкие ранения, на левой щеке остался шрамовый рубец – кровавый поцелуй чиркнувшего осколка от разорвавшегося снаряда. После фронтовых газетных лет областной комитет партии поручил ему курировать работу всех средств массовой информации области, а как только стало зарождаться телевизионное вещание, перекинули на другую передовую – возглавить только что созданную Усть-Каменскую студию телевидения. Ему, бывшему газетчику, тоже пришлось переучиваться, овладевать новым видом журналистского ремесла – телевидение.

Минеев знал, давно понял: с этим тяжеловесом тягаться бесполезно, тем более если он принял обмозгованное решение. Амбициозный сорокалетний главный редактор скрытно побаивался авторитета шефа, пускай без желанья, но уважал его возраст и должность: по статусу

директор негласно являлся заместителем председателя областного комитета по радиовещанию и телевидению, а гласно – членом областного комитета КПСС.

Авторитетный Фёдор Антонович не считал себя обязанным подстраиваться под малоинициативного редактора, занявшего эту должность благодаря настойчивой влиятельной протекции известного в области высокопоставленного чиновника. Втайне он вынашивал надежду увидеть в кабинете главного более одарённого, рассудительного, перспективно мыслящего Ярополова. Подобные подковёрные интриги нередки в творческих коллективах, как правило, они возникают в театрах, консерваториях, на киностудиях. Избежать противоборства мнений по кадрам не удалось и руководителям этой телестудии.

Владимир Сергеевич заторопился было в свой кабинет несолоно хлебавши, но его порыв опередил директор, предложивший после минутного раздумья нечто, похожее на компромисс:

– Я издам приказ принять Лобова на эту должность с увеличенным испытательным сроком. Выдержит, докажет свою состоятельность, тогда зачислим в штат. Как тебе этот вариант?

– Пускай будет по-вашему, – неохотно, но согласился главный.

К сожалению, случается другой раз, когда вот так, за глаза, решается человеческая судьба. Знал бы Лобов об этом разговоре, он вряд ли долетел до Усть-Каменска. Оскорблённый таким торгом он, не задумываясь, развернул бы свои судьбоносные оглобли в той же Москве в обратную сторону. Впрочем, кто знает, может, в неведении того, что завтра будет, что произойдёт с нами, и заключена одна из тайн нашего бытия, может, судьба наша складывается главным образом из совокупности случайностей, по проществии которых они становятся необратимой осязаемой закономерностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.